

Лина Саницкая

*Кроны
и
Корни*

*стихотворения
четверостишия
поэма
венки сонетов*

Москва
Граница
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2 Рос-Рус) 7-5
С 18

Составление и подготовка к печати –
Н.И. Саницкая, Л.Ф. Соколова

Художник – Н.И. Саницкая
Фотографии – Л.Ф. Соколова

ОТ АВТОРА

В книгу вошли стихотворения, четверостишия, поэма, венок сонетов, написанные в разные годы. Тема творчества – любовь и материнство, природа родной земли, город и село, друзья и подруги в военное и мирное время.

Член Союза писателей Москвы.

Член литературного клуба ЦДЛ «Московитянка».

Член литературного объединения «Магистраль».

Выпустила четыре книги стихов: «Сокровенное» (1977 г.), «Связь» (1996 г.), «Путь к порогу» (2001г.), «Миражи» (2013 г.).

Печатаюсь в периодических изданиях, совместных поэтических сборниках и альманахах.

Награждена Литературно-общественной премией «Золотая осень» им. С.А. Есенина с вручением одноимённого ордена.

Награждена памятной медалью «А.С. Грибоедов».

Саницкая Н.

С 18 Кроны и корни. – М.: «Граница», 2017. – 252 с.: ил.

ISBN 978-5-94691-904-3

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2 Рос-Рус) 7-5

© Нина Ивановна Саницкая, 2017

© Нина Ивановна Саницкая, стихотворения, четверостишия, поэма, венок сонетов, 2017

© Нина Ивановна Саницкая, картины, рисунки, 2017

© Нина Ивановна Саницкая, собственность оригинал-макет, 2017

© Людмила Фёдоровна Соколова, 2017

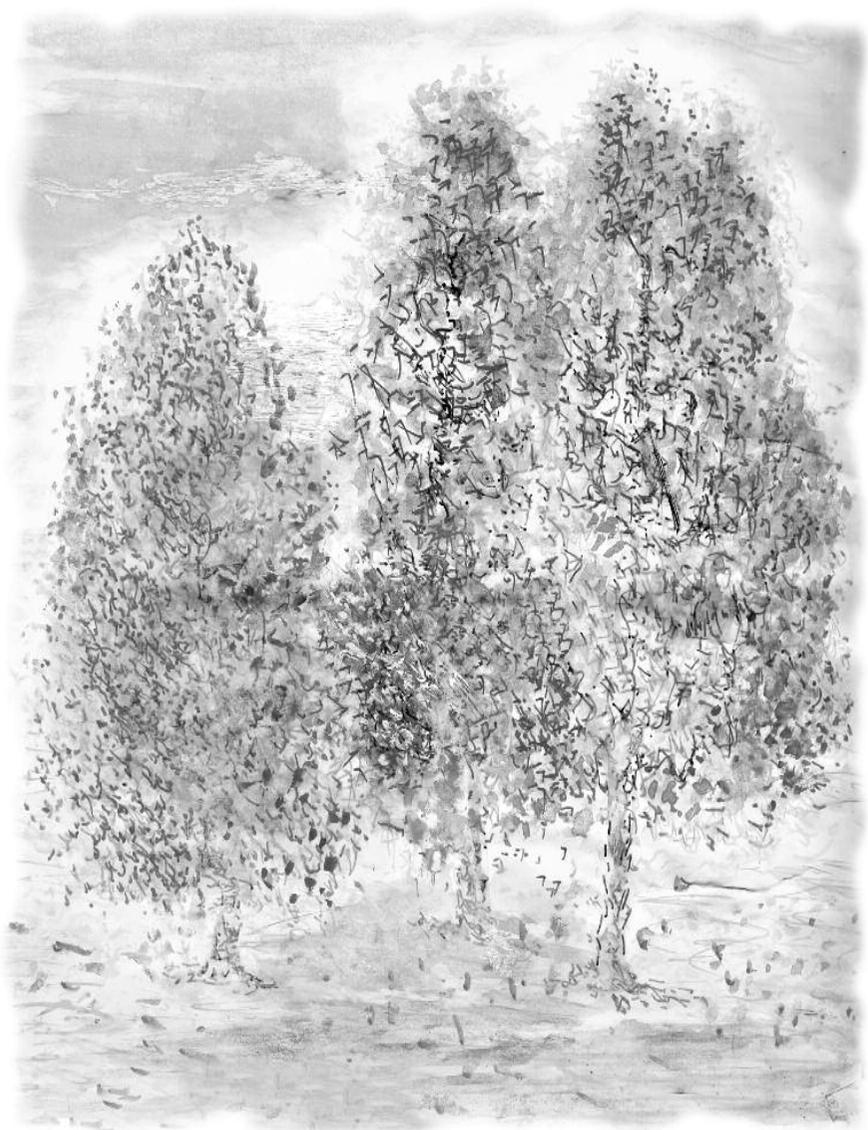
© Людмила Фёдоровна Соколова, стихотворения, четверостишия, поэма, венок сонетов, 2017

© Людмила Фёдоровна Соколова, картины, рисунки, 2017

© Людмила Фёдоровна Соколова, собственность оригинал-макет, 2017

Есть миг согласия с собой

* * *

Друг друга с полуслова понимая –
усталые – на полчаса каких-нибудь –
в объятых тёплых солнечного мая
три женщины присели отдохнуть.

На ветках яблонь набирали силу почки –
вот-вот стрельнут, раскрывшись, в небосвод.
Им никакой поблажки, никакой отсрочки
Природа-мать родная – не даёт.

Средь кутерьмы и птичьей перепалки,
где зелени дымок объял кусты,
нечаянный цветок ночной фиалки
из прошлогодней выпорхнул листвы.

Свет фиолетовый впитал он лепестками –
созвездий отпрыск – хрупок и раним...
Три женщины, боясь всплеснуть руками,
склонились очарованно над ним.

Чуть-чуть качнулась крошечная чаша,
которую не выпить до конца...
Ночной фиалки аромат тончайший
ласкал и нежил женские сердца.

2012

* * *

Такси по улице скользило,
как будто капля по руке.
Неуспокоенность сквозила
в дыханье,
в слове,
в ветерке.

И вдребезги разбилась дрёма.
И по глазам хлестнул простор,
когда ладонь аэродрома
внезапно город распротёр.

Я, ослеплённая, молчала –
в ладонь вцепившийся птенец:
возможно ль обрести начало,
когда всему уже конец,

когда глядишь уже на вещи
полушутя, полувсерьёз?..
Послышался мне голос вещей:
«Лети!..»
И по спине – мороз.

А за спиной дышал мой город.
То одобрял, а то корил...
Вновь перехватывало горло
при самом первом взмахе крыл.

1970

* * *

Чего захотела – и смех, и умора! –
примостившись у самого моря,
где гальку проглатывает прибой,
услышать, о чём шепчут волны
на языке своём вольном,
играясь и брызгаясь между собой.

Задарма захотела?! Сначала
на утлом судёнышке от причала,
прощаясь с друзьями, отчалъ,
чтоб в море кипящем с полжизни
глотать горько-солёные брызги
и вспоминать – в чашке – розовый чай.

И не раз, и не два (и не понарошку)
тонуть, в ледяной бултыхаясь окрошке,
страшась – под собою – незримого дна.
Может быть, в первый раз пожалеть, что – не дома.
Ускользнуть из объятий крутых Посейдона,
вспомнив кстати и вовремя: жизнь-то одна.

Вот тогда-то – не смех, не умора! –
можно услышать сказания моря
сквозь ворчанье прибоя, сквозь грохот и гам...
Но как знать: всё возможно поэту,
если он и молчит, и тоскует по этим –
бегущим, как вольные строки, волнам.

13–14.08.2014

* * *

Извилины маньчжурского ореха
рассматриваю издали, вблизи.
Чего в них больше: слёз моих иль смеха?
Попробуй, рассмотрев, изобрази!

Не прогляди в непроходимой чаще
луча, пробившегося с высоты!
В лесном цветке или в житейской чаше
не расплескай готовой красоты!

Соразмерь с душой, чтоб не сгорела
дотла, её пытаюсь обнажить...
И в пальцах, вечно требующих дела,
заговорили пилки и ножи.

Звенел орех. Ломая пилоч зубья,
он вырывался, крепкий, как алмаз.
То брови приподняв, а то насупив,
я за работой не смыкала глаз.

Ходил напильник вдоль бороздки узкой.
Пыльцою пахло тёплого в ночи.
И покорялся мне орех маньчжурский.
Я всё ж к нему подобрала ключи.

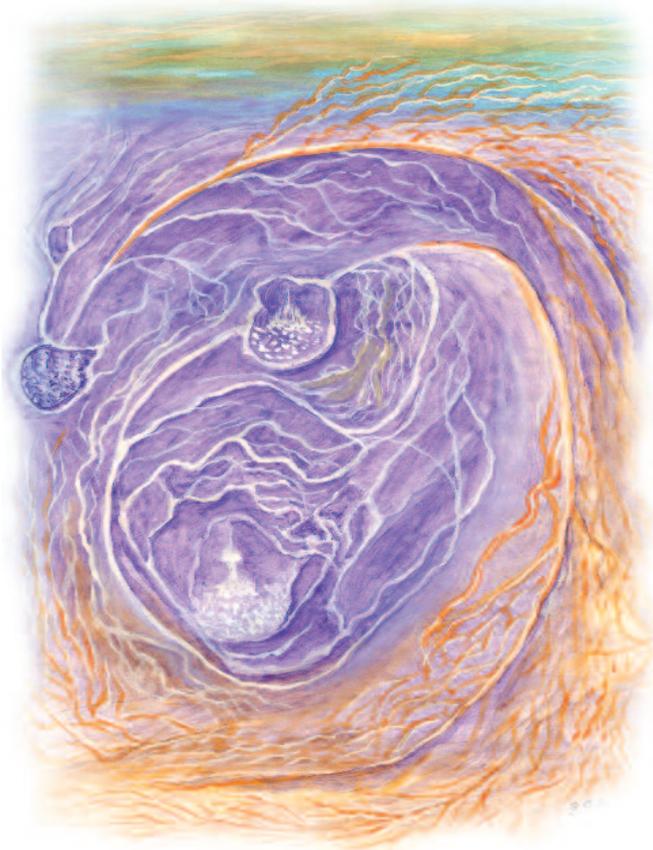
Последние оттачиваю грани,
иглой последний вывожу извив.
И вот она – расплата за старанье –
внезапный и совсем неожиданный взрыв.

Откинув голову, зажмурилась. Не прячу
ресниц моих нечаянную дрожь.
Я тихо так и слепо плачу,
как тот слепой – под летним солнцем – дождь.

Мне хорошо, как после спетой песни.
И вижу, приоткрыв едва глаза:
в живом глазке орехового перстня
дрожит моя счастливая слеза.

1975

ПРОГУЛКА В ФЕВРАЛЕ

Мороз трещит вовсю. И февралю
метели песни с воем напевают...
А я из центра на окраину рулю:
в метро – сначала, а потом – в трамвае.

Мне передышка позарез нужна.
Колёса мчат напористо и гулко...
Такжданная ошпарит тишина,
когда с подругой выйдем на прогулку.

Но прежде надо валенки достать,
шарфами обмотать покрепче шеи,
косынки поверх шапок повязать,
чтоб не единой не осталось щели...

Два увальня произнесут: «Айда!..»
Со смехом вывалятся из подъезда.
Ни тропки – ни единой, – ни следа.
Леса – в снегах. В снегах безмолвных – бездна.

В снегах можно брести по поясу, плыть,
резвиться, кувыряться, словно дети,
выплёскивать скопившуюся прыть:
лишь мы и никого – на этом снежном свете...

И почему бы не залезть на штабеля
распиленных деревьев, вниз не срываться,
одеться в чистый снег, как в соболя,
и удивиться, что умеем так смеяться.

А снег рассыпчат, словно порошок.
И снегом мы пропахли. И попали в точку...
Как не воскликнуть: «Получилось хорошо!..»,
припоминая Сухарева строчку.

1987

МАРТОВСКИЙ МОНОЛОГ

И нет уже той власти полной.
Её ни дать, ни взять взаймы...
О, как приход зимы я помню
и коронацию зимы!

Какой она явилась кроткой!
В руках – ни жезла, ни меча.
На белой юбочке короткой, –
как пульс, биение луча.

И так ступала осторожно,
что вовсе б не сыскать следа,
когда б ни звонкая слюда
в корытцах колеи дорожной.

Войти боялась в полдень синий.
Всё пробиралась по утрам,
и на вихрах поблёкших трав
едва угадывался иней.

И даже первый, мотыльковый
полёт снежинок бестолковых
напоминал мне летний луг.
Но различал мой чуткий слух
глухое нарастанье силы,
неотвратимые права:
то ль вьюга где-то голосила,
то ль плакала навзрыд вдова...

И без дорог, без троп к посёлку
на животе ползла позёмка.
И, словно вздыбленные кони,
храпел под ветром снежный вал.
И шёл мороз и малевал
на окнах серебром иконы.
Молитесь, дескать, все молитесь:
зима вступила на престол.
И ветер, ветер – вольный витязь –
понёс по миру тяжкий стон.
Стон цепенеющих деревьев,
стон загнанных в темницу вод,
с таким мальчишеским доверьем
воспринявших зимы приход.
Теперь, казалось, им не стронуть,
во веки не поколебать
до неба взвихренного трона...
Но лучик жил, жила та пядь,
к которой он припал опять.
Совсем невидимый, подспудный –
пусть было тяжело, было трудно, –
буранам северным назло –
ворочался он, как сверло.
Он делал вечное своё!..

Крошил он снега твёрдый мрамор.
Трудились рядом тыщи жал...
И вот сугроб – дремавший мамонт –
зашевелился, заморгал.

И ветер лоск с него державный
горячим языком слизал.
И долгожданная слеза
скатилась по щеке шершавой.

Зима отпелась, отбесилась,
сосульки-свечи от бессилья
роняя медленно из рук...
Совсем не сразу и не вдруг
приспело замертво ей рухнуть,
приспело замертво упасть...
В потоках, что смывают рухлядь,
иная бьётся к жизни страсть.

1980-е

* * *

Не ищите во мне, чего от роду нет.
Я – вся ваша до капли, до маковой крохи.
Надо мной тот же ливень, и темень, и свет,
та ж раздрызганная эпоха.

Незамеченной вами – седая – иду,
вас – в отдельности – всех замечаю.
Зданья тянутся к небу в смятенном бреду.
Я души к их печалям нездешним не чаю.

Постою, отдышусь за безлюдным углом –
о последнем пристанище с думою поздней...
И раздастся нежданно раскатистый гром –
Глас из бездны надземной – Господний.

2014

* * *

Побыть в домашней обстановке –
не представляю выше благ...
Любила детям шить обновки,
игрушки делать из бумаг.

Всё так родимо и без фальши –
на том и до сих пор стою.
Котлеты нравилось из фарша
поджарить и подать к столу.

При них – дымящийся картофель,
укроп, зелёный огурец
и в искрах весь гранёный штофик
с «Токаем» – праздника венец.

Проблемы дырами зияли.
Куда ни глянь – передний фронт...
В застолье всё-таки друзьями
ценился шуточный экспромт.

Рисунок детский жизни стоил:
на нём – Байкал, Амур, Звезда...
Туда их прямо из застолья
выдёргивали поезда.

И мчались в грохоте и дыме,
ныряя в ночь, прощаясь с днём...
Они ведь были молодыми
и легковесны на подъём.

И что им происки погоды,
бегущей с воем по следам...
Нет, те пронзительные годы
забвенью в зубы не отдам.

2004

* * *

Не поменять местами завтра и вчера.
Вот и закат фазаньи спрятал перья.
Монахиней – угрюма и черна –
явилась ночь и замерла за дверью.

В свой срок пришла – ни призрак и ни тень:
не внемля моим тщетным уговорам,
ещё один неповторимый день
исчез навек за тёмным косогором.

Но я с минувшим не простилась днём,
хоть в лапы, как медведь, берёт усталость,
им продолжаю жить и думать в нём:
так много дел не сделанных осталось.

И столько не растрчено добра,
и друг не встречен – может, самый лучший...
А на часах – намёк, что спать пора.
Но мысль кровоточит –
мой, в завтра из вчера
во тьме ночной, пульсирующий лучик.

1987

ДРУГУ

А я решила:
вот и разошлись.
Легко, забывчиво, как дети.
Но опытнее и умнее жизнь.
Она – и наш судья,
и наш свидетель.

Нежданный, неосознанный порыв...
Случайный, пустяковый повод...
Но чувствую:
натянут с той поры
незримый между нами провод.

Мы не спешим откликнуться на гуд,
к себе и ближнему жестоки.
И всё ж по проводу тому бегут,
помимо нашей воли, токи.

И слышу я наперекор грозе,
как слово доброе
спешит сквозь шум, сквозь ругань.
О, сколько надо потерять друзей,
чтоб обрести единственного друга.

1975

* * *

Взять лодку и надёжное весло,
чтоб в зыбкой бесконечности разведать,
где прячется добро, откуда лезет зло,
и дым противоречия развеять.

Взять лодку и в неведомое плыть
мимо трибун, витрин и кабинетов,
откуда так и брызжет прыть
заранее придуманных ответов.

Взять лодку – древний символ рек –
и плыть не по – против течения,
чтоб броситься – в тиши библиотек –
в объятья знаний, а не поученья,

листая фолианты, словари,
тома таинственных умосплетений,
где бродят между строк поводыри –
бессмертных гениев седые тени.

Взять лодку и – подальше от грехов –
уйти в себя, оставив хаос внешний...
Не вымолить прощенья у богов,
не выпестовать праведных стихов,
не становясь честнее и безгрешней.

2010

* * *

– О Господи, какое зарево!.. –
произнесла толпе вослед.
Опомнилась, увидев заново,
как женщина, – подобный зареву, –
несла пурпурных роз букет.

Воистину, – с добром повенчана, –
цвела заря в её руках,
и медленно ступала женщина,
едва одолевая страх.

Не затмевала тень печальная
черты скорбящего лица
и смысла слова изначального –
теряем больше, чем отца,

теряем истинно учителя...
Остывший целовала лоб.
И мига не было мучительней –
смотреть, как пальцы впились в гроб.

ТРИПТИХ

1

Биение живое и нежданное,
пробившееся сквозь крошечный мрак:
«Я от рожденья именуюсь Жанною.
Вы знаете что-либо о д'Арк?

Вы преклонялись ли пред Девой Орлеанскою,
мизинца не запачкавшей в крови?..»
Что знаю я? Обмениваясь масками,
сменялись папы, герцоги и короли,

тесня друг друга. Не грозил им вакуум.
Он не был пуст – средневековья мрак.
И мрак тот разметать возможно факелом.
И превратилась в факел дочь крестьянина д'Арк.

Уже не нужно ни поленьев и ни хвороста.
И палачи не могут истины постичь:
чтоб так светить, всего-то надо волосы,
мешающие меч держать в руках, остричь.

Всего-то надо пренебречь замужеством.
Не знать, что значит – быть любимой, жить любя.
И чувством переполненная – мужеством, –
не дать Природе взять в полон себя.

Всего-то надо стать нетленным пламенем,
сквозь тьму и время, излучая свет.
И никаким другим не подчиниться правилам,
когда живее жизни – смерть.

1970-е

2

«Откуда столько воли?!» – думала,
вела со временем минувшим спор, –
«Так жизнь перевернуть?!» Но Дурова,
переодетая в казацкий униформ,

и перетянутая кушаком, и перед зеркалом?
А слёзы на глазах – с одеждой не в ладу?
А свет звезды, дрожащий дрожью мелкою
над садом? А нетерпеливый конь в саду?

Куда она? Любимый ждёт под окнами?
Венчанье в храме тайное? Бал-маскарад?
Но чиркнут ножницы – и напрочь локоны.
Свершится перевоплощения обряд.

И – на коня! Как заново рождённая,
умчится вдаль, где скрылся с песней полк.
На веки вечные умчится, убеждённая,
что проклят Господом «несовершенный» пол.

Прощайте, женщины! Вяжите кружева!
Супы варите для своих мужей!
Бряцайте ложками! Но есть оружие,
которое и погрозней, и понужней.

Проститесь, женщины, с Надеждою Андреевной!
Простите ей побег от вечных женских пут!..
Мне так знакомо это чувство древнее,
когда глаза свободою цветут.

1960–1970-е

3

Когда полднейной звёздочкою маленькой,
трепещущей у неба на виске,
звенит и завораживает жаворонок
и держит землю всю на волоске,

и ты стоишь, вверх запрокинув голову,
и синева, и синева – в твоих глазах,
ни говора не слышно и ни гомона...
Но адский полоснёт по синеве зигзаг.

И захлебнётся жаворонок песнею,
и лопнет меж землёй и небом волосок.
И по всему простору поднебесному
зигзаги – то крест-накрест, то наискосок.

И смерч по каждому промчится колосу.
Ударит в ноздри горький, смрадный чад...
И падать будут из-под ножниц волосы
под ноги зубы стиснувших девчат.

Они прикроют чёлочки пилотками,
кирзовым перетянут поясом шинель.
Меж орудийными, грохочущими глотками
забудут жаворонка солнечную трель.

Они познаются с чудовищной работой,
одну оставив в чистом поле мать.
И если Дурова умчалась за свободой,
они уйдут свою свободу защищать.

Уйдут туда, где с визгом над деревьями
снаряд спешит опередить снаряд,
чтоб прямо в цель – в окоп, в блиндаж,
в ребят...

Тебе знакомо это чувство древнее,
когда глаза огнём – наперекор огню –
горят.

1970-е

* * *

Какая мной отмерена верста...
Суровой всматриваюсь в даль и строже.
И эта кромка моря как черта,
которая всю жизнь мою итожит.

Она вся там, за горною грядой,
в краю перепелином и былинном,
где яблонька, посаженная мной,
ветвями тянется за клином журавлиным.

Она пока ещё имеет власть
там, где к реке сбегает тропка,
и девочка, к рябинке прислонясь,
кого-то ждёт застенчиво и робко.

Она в строке, которая трубит,
зовёт в дорогу слабого кого-то.
И крылья ей уже не обрубить,
и не остановить её полёта...

И всё ж опять влечёт меня мечта —
дела творить по силе и по росту.
И эта кромка моря как черта,
которую переступить не просто.

Она у самых пролегает ног.
За нею синяя простёрлась бездна,
где ни тобой проторенных дорог
и ни оставленной тобою песни.

И только волн упругие горбы.
Их вкус на самом деле горек.
Их смысл в непрекращении борьбы,
пока живёт и дышит море,

пока взрывает тишину прибой,
вздымая в небо непокорных чаек...
Есть дивный миг согласия с собой,
когда пора – от берега отчалить.

1969

ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ

Рядами копья, рядами,
что кол около кола.
Рыдают,
рыдают,
рыдают
ко-ло-ко-ла.
И, словно столкнулись скалы,
от лязга и визга
жуть.
И кони, свирепо скалясь,
встают на дыбы и ржут.
Кишит среди поля сеча.
Мечи с бронёй говорят.
Поодаль берёзок свечи
зеленовато горят.
И русича русский воин
пронизывает копьём.
И ворона кличет ворон:
«Пи-ру-ем!
Пи-ру-ем!
Пьём!»

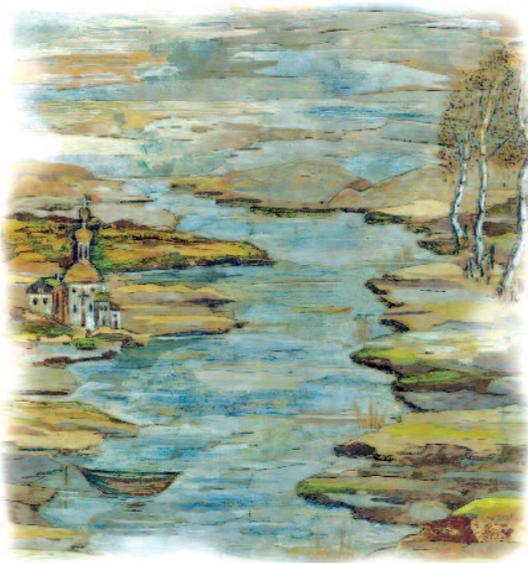
Ах, вдоволь тут будет, вдоволь
для воронья еды.
Ах, вдоволь тут будет вдовам
горючих слёз от беды.
Её не оплакать совам,
волною не смыть морской...

И Русь озаряется зовом:
«Приди ко мне,
брате,
в Москов...»

Уздою звенит под князем,
как облако, белый конь.
Князь –
даль измеряет глазом,
простёрши с холма ладонь.

Снять с плеч не успел кольчугу,
сорвать шелом с головы...
Корчуют внизу, корчуют
леса у реки Москвы.

И улочек первых корни
с корнями сплелись дубров.
Колоколам колокольни
князь вторит:
«Добро! Добро!..»

ЧЕЛОВЕК

В заснеженной стыни
разбил парники.
Надел на пустыни
садов парики.

Светло и сердечно
дворцами метро
вошёл он навечно
в земное нутро.

Пред бездною выси –
и мал он, и прост –
творением мысли
поднялся до звёзд.

Пусть тайны бескрайны,
конца нет у вех...
Но нет большей тайны,
чем сам человек.

1970-е

ВОЛШЕБНИК

Неужто для того я
и бегу
без троп,
заиндевелыми осинами,
чтоб вдруг остановиться
на снегу
перед мальчишкой встречным
с апельсинами.

Он голубую нить
к теплу торит.
Он чудо бережно несёт
заморское.
Он сам того не знает,
что творит,
покачивая
солнечной авоською.

А из неё
густые бьют лучи
в меня неотразимо
и оранжево
и почему-то превращаются
в ручьи
и снег, как зёрна,
склёвывают заживо,
его ворую
у самой зимы,

его ворую
у мороза лютого...

И хочется коснуться мне
земли
и апельсинно-огненного
лютика.

И хочется на травы мне
упасть,
не думая,
что жизнь моя – не вечная.

И хочется мне
без вести пропасть,
чтоб снова возвратиться к
людям
вечером...

До той поры
мой длиться будет сон,
до той поры
стоять мне обессиленно,
пока в снегах
не растворится он –
мальчишка, уходящий
с апельсинами.

1960-е

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

С известным (одной мне) товарищем,
который, как перст тот карающий, –
надо мной не висит, а напротив сидит, –
отношения относительно добрые.
Но чаще всего – неудобные.
Особенно – если сердит.

На другие не смею надеяться.
Разве что в снах моих взбредится,
что смогу, завладею, вольна...
Но по-своему он вообще-то ребёнок
(только при галстукке – не из пелёнок),
и ранима душа у него и больна.

И лекарство душе его – женская нежность.
Её он чурается: как неизбежность,
она притаилась и ждёт за спиной.
А женщина нужная – то ль от лукавства,
то ль от незнания – с этим лекарством
прошла, не заметив его, стороной.

И мне больно с таким вот «начальством»,
и с таким вот свалившимся «счастьем» –
каждый день, каждый час и одной...
Слава Богу – есть малая малость,
что в общении нашем осталась, –
между нами нет вечности ледяной.

* * *

Зачем-то лица друзей рисовала
(случался со мною такой курьёз).
На встречах в дискуссии нос не совала,
рисовала – полушутя и полувсерьёз.

Выводила профили, брови, пряди.
С оригиналом схожесть считала за честь.
Как ни странно и ни наивно, но правды
живая жилка в их линиях есть.

2011–2014

* * *

И своенравный, и жестокий, –
покличет, что ли, предок-скиф
к вокзалам – устьям и истокам
судеб невиданных, людских.

И не найти тогда мне места.
Стук ветра в стёкла – как упрёк.
И сразу жгучего норд-веста
не хватит –
жизни поперёк.

И станет жить невыносимо
в тоске по запахам земли,
как будто где-то от России
живу в невыносимой дали.

Всё, что с оседлостью связала,
поставлю на голову с ног.
Переступить порог вокзала –
себя самой через порог.

1988

* * *

В Беляево, к Надеиной, к Елене –
пешком, ползком иль на коленях, –
но доползти, не доползти нельзя:
там соберутся лучшие друзья,

там будет, как всегда, застолье
с вином, стихами, хлебом-солью,
по-гречески с салатом, с оливье,
с собакой, наконец, в её жильё,

которая пролетает, как споёт,
там будет, хоть и краткий, но полёт
сердец не сломленного поколения...
В Беляево, к Надеиной, к Елене!

22.12.1995

В ПУТИ

Плацкартный вагон – не кибитка Волконской.
Но знали в вагоне, какую победу
вчера одержала под крышей отцовской
попутчица, на запотевшем оконце –
меж делом – черкнувшая коротко:
«Еду!..»

Попутчица. Девочка. Хвастаться нечем.
Лишь пряди волос рыжеватых по плечи.
Да этот прошедший мучительный вечер...
Дорога сквозь ночь между ними.

Всё в прошлом.

Не надо отцовскому слову перечить.
Не надо стараться быть умной и взрослой.

Не слышать, какие там вьюги подуют,
свистя и ломая таёжные ветви.
И можно забыться. И можно подумать.
И можно представить другое столетье.

И женщину юную... Ветры нагие
по коням хлестнут, как свистящие розги.
И образ мелькнёт мимолётный княгини.
Сверкнут на крутых поворотах полозья.

И скроются снова. Лишь гривую конской
промчится метель по старинному следу...
Плацкартный вагон – не кибитка Волконской.
Но также за тусклым вагонным оконцем
летит неотступное зимнее солнце
и с губ её так же срывается:
«Еду!..»

1983

* * *

Несусь в такси извилистой шоссейкою.
По обе стороны – просторы сельские.
Небес над ними чистый лазурит.
Поля весенней свежестью пронизаны.
Порой озёрца вспыхнут линзами
или озимых зелень озарит.

Душа свою обитель узника
покинула, подхваченная музыкой.
Она от кресла мягкого вдали
ликует, над полями носится...
Поправлю я очки на переносице
и глаз не отрываю от земли.

И рада настроению мажорному.
А мысль – меж тем – сверлит мозги назойливо,
вступает с ликованием в борьбу.
Я к ней прислушиваюсь, удручённая...
Так неужель дыра проглотит чёрная
Праматерь нашу, что – как глаз во лбу,

что за окном мелькает перелесками
и тишиной одаривает сельскою,
признания не требует в любви?
Но в честь неё слагаются мелодии.
И губы произносят снова:
– Родина!
Я пронесусь, исчезну.
Ты живи!

1960-е

* * *

Олимпийскому Мише посвящается

Опять шумлю, как ствол листвою, словами.
Опять боюсь: перо о них сломаю –
непредсказуемы – понятно ведь...
Но память не остыла, не забыла
былин, былых баталий были
и даже то, что есть у нас свой зверь – медведь.

Он на цепи, замызганной и ржавой,
за поводырем бродил по всей Державе,
не торопясь, и веселил народ,
который пёр навстречу из калиток.
Вовеки столько смеха и улыбок
не мог припомнить человечесий род.

Зверь пел ему распахнутою пастью
частушки о своей медвежьей страсти,
то понижая, то взъяряя рёв.
И, осчастливленные пенем, люди
преподносили медяки на блюде,
склоняя головы перед поводырем.

Свой зверь явился к ним нежданно в гости.
По лестнице поднялся. На помосте
во весь свой рост расправился, пока
молчала музыка. Музыка –

после медвежьей просьбы – или рыка –
посыпалась. Он выдал гопака.

Медведя с угощением провожали
и на прощанье лапу пожимали.
Кой у кого слеза скатилась с век...
Пока я над последней билась строчкой,
чтобы последнюю поставить точку,
за окнами ревел и мчался Двадцать первый век.

И моего медведя прапраправнук
в мгновение ока прилетел на праздник
и покори́л улыбкой сочинский Олимп,
не помня, как его прапрапрадед,
запутываясь в паутинных прядях,
бродил средь сосен корабельных и средь лип.

2014

ПОДМОСКОВНАЯ ФАНТАЗИЯ

...А вы там, в Москве, и не знаете даже,
свечу погасив и летая во сне,
о такой, очень важной в московском пейзаже,
драгоценной пропаже – Луне.

И вам хорошо, и вы спите спокойно,
на подушку свалившись, как на волну.
А мне из окна глаза свои пялить больно,
потому что жалко смотреть на Луну.

Она, поднимаясь из-за сарая,
запуталась в яблоневых ветвях.
Неужели не будет больше лунного рая?
Неужели подлунным признаниям крах?

А я – не волхв́а и совсем – не кудесница.
Ничего не осталось в ночи этой мне, –
шлёпать в потёмках к сараю за лестницей
и её волочить на подмогу Луне.

По деревьям когда-то неплохо лазила.
Но теперь уже нет прежней цепкости рук.
«Как же тебя, – говорю, – угораздило
зацепиться, небесная светлость, за сук?»

И сама к ней теперь продираюсь меж листьями.
Чтоб спасенье случилось наверняка,
умоляю её уговорами лисьими:
«До меня посиди поспокойней пока».

Я даже прошу подвинуться облако,
хоть его, как части пейзажа, мне жаль...
И вот держу на ладони я лунное яблоко.
И такое никто никогда не держал.

01.10.2012

* * *

Как солнечно было, надёжно,
какою бывает лишь мать.
И каждому дереву можно
листвой под лучами сиять.

Красивее не было места.
В траве кувыркалось дитя,
пока на поляне семейство
смеялось, друг с другом шутя.

Нежданно, предательски, с тыла
устроили выси подвох.
И кто-то сказал:
«Как не стыдно
на голову брызгать врасплох!

Зачем нам такая награда?..»
И вспыхнул малыш, как большой:
«На небо ругаться не надо!
Пописало небо –
и дождик пошёл».

1980-е

* * *

Какая ещё там невидаль?
Затеей какой обуян?
С большим крючком или неводом –
в окне объявился кран.

Смотрю на него, фантазирую,
помилования моля:
беспомощную почти и сирую –
неужель заприметил меня?

Неужели в будничном платье
притихла, подобно пню?..
А он горизонт распятем
затмил и скрипит: «Распну!..»

А он внезапно завоет:
«Повешу – ни за какую мзду, –
крючком подцепив за ворот, –
на утреннюю звезду...»

Пока записываю в тетрадку
бредни чёрного палача,
ангел в каске – мягкой посадкой –
опускает на стройплощадку
кипу красного кирпича.

14.05.2014

* * *

В фуфайке она, в сереньком платочке
склонилась надо мною: «Что с тобою, дочка?..»

Уже несёт на стол печенье к чаю.
А я на стол кладу свои печали
и в ней уже души не чаю.

Переплетаются с ответами вопросы.
И смех, нет-нет, да остановит слёзы.

Сижу я, как младенец, под опекой
и превращаюсь снова в человека.

1970-е

* * *

Какие розы! Ах, какие розы!
Пурпурных три явились божества
ко мне, когда за окнами морозы
ещё свои справляют торжества.

И в стены бьются белые метели,
размашистыми гривами шурша.
А розы полыхают – в самом деле.
И я стою пред ними не дыша.

Они блаженством и благоуханьем
обитель переполнили мою.
Боюсь спугнуть их красоту дыханьем
и с глаз моих не исчезать молю.

2002

ИЗ ДЕТСТВА

Из времени, которое необратимо,
возникла, ожила передо мной картина.
Не ведаю, каким она прозреньем
извлечена: вторым иль третьим зреньем?

Но вот передо мной знакомая дорога
уводит детвору от отчего порога.
В их сумках – за спиной – тетрадки, книжки, карты.
А впереди – все восемь вёрст до парты.

И так темно, что кажется: с похмелья
деревня забрела и бредит в подземелье.
Порою тишина нетронутая улиц
расколется ледком осенних лужиц.

Порой прошьёт покой собачьим лаем.
И вздрогнет с перепугу месяц за сараем.
И звёзды друг за дружкой сникнут – без утайки.
Ребята за просёлок тихо выйдут стайкой.

Заметят: в лозняке глаза горят волчицы.
В сознании ребячьем страх зашевелится,
пугая всё сильнее, – за каплей капля.
Но у ребят в руках – на палках пакля.

И кто храбрее и поупрямей,
вмиг чиркнет спичкой – и вспыхнет пламя,
поскачет с треском на палку с палки.
Свернёт волчица, оскалась, к балке,
увидя: яркою вереницей
вдоль лозняка летят, летят жар-птицы.

* * *

Светло, таинственно и молодо
земля раскинулась далёко...
Как пёс, в порог уткнувшись мордою,
скулит и ждёт меня дорога.

Не та обычная, а странная.
От благостей людских заклята,
она бежит сквозь утро раннее,
сквозь полдень, сквозь огонь заката.

Она бежит неумолимо
и голову кружит, как танец.
Сквозь ночь густую, как малинник,
бежит и вновь к рассвету тянет.

На голубом её ошейнике
легко позванивают звёзды...
Я покидаю вас, отшельники!
Я оставляю ваши гнёзда!

1971

* * *

За полночь. Город мой засыпал –
тишине и покою рад.
И на землю огней лепестки осыпал,
как весной отцветающий сад.

И по горло дневными заботами сыт,
засыпая, он гас у меня на виду.
И погас. Но кто забыл погасить
один огонёк в потемневшем саду?

Кто оставил его? Может быть, это весть,
что теперь до утра не прилечь мне в кровать?
И горит, горит в темноте эдельвейс.
Неужели его кто-то может сорвать, –

чтоб в руке подержать и поставить в стакан,
а потом любоваться им в полубреду...
Ну, какой пощадил озорной хулиган
поднебесный цветок в полуночном саду?

И безмолвием намертво взятый в тиски,
и, как скалами, зданиями затёрт,
перепутавший с городом горы с тоски,
он всё тянется вверх и упрямо растёт –

этот светлый и нежный цветок эдельвейс.
Никого не вина, никого не коря,
он вот-вот лепестками коснётся небес,
и на стёкла оконные брызнет заря.

* * *

Окончены дела. Стемнело незаметно.
Но в дом не тороплюсь.

Вдыхает свежесть грудь.
Расплывчаты в саду деревья и предметы,
и прячется от взгляда
в их полутенях грусть.

Как и вчера, Луна вовсю сияет.
И чудится напев среди звёздных мириад.
И мир земной пред высью замирает...
И каждый стебелёк мелодией объят.

Пронизанные светом, мерцают листья сада.
И сад напоминает замороженный зал...
Звучит, струится «Лунная соната»,
которую когда-то Бетховен записал.

2015

* * *

О, бессонниц крутая рать!
Ждёшь, когда пред тобою струшу?
Сколько можно за горло брать
и трясти меня, словно грушу?

Я и так вот лежу пластом,
ни на миг не смыкая вежды.
Жду, как хитрым вильнёт хвостом
проблеск призрачный – свет надежды.

В этом мире, объятom сном,
чьей предписано быть частицей,
он – невидим и невесом –
сквозь окно моё просочится.

Промелькнёт, тишиной храним,
и мои приопустит веки,
и растает, не проронив:
– На минуту?
 – На час?
 – Навеки?

1990-е

* * *

Ни отделаться, ни отстраниться,
в передрыгах ни кануть мирских
и, листая бывшего страницы,
на просторах воскреснуть морских.

Налетит, нагрохочет, накатит,
оторвёт от постылых обуз,
раскачает отчаливший катер,
и накроет волною медуз,

и настигнет меня меж зонтами
этих странных, прозрачных существ,
и не даст расшибиться о камни –
посчитает за доблесть и честь.

Напоследок, как память, как радость,
брызг подарит хрустальную гроздь...
А потом семицветием радуг
над горами возвысится мост.

Помашу на прощание песням,
напоённым дыханьем морским,
поскачу, полечу поднебесьем
к непроглядным дождям городским.

Обнаружу, приветствуя лужи,
что есть что-то морское и тут,
коль зонты по Тверской, как медузы,
над людскими плечами плывут.

2014

НОЧНЫЕ СТИХИ

Уронила голову на колени:
помолчать бы мне, помолчать...
Но эпохи сменяются, поколения –
и за них некому отвечать.

А как грохотали они, шумели!
Шар Земной ходил ходуном.
Где они: финикийцы, шумеры?
Думать некогда нам о том.

Всё куда-то опять несёмся –
всё от той же сумы и тюрьмы.
И под тем же сияющим солнцем
вновь кроваво играем мы.

Кто разумное слово скажет?
Как от злобы спасти Любовь,
если, словно гусениц скрежет,
скрежет чувствуется зубов?

Если временно всё и тленно?
Шарик вертится, как волчок...
Тихо-тихо во всей Вселенной.
И ни слова. Ни звука. Молчок.

2011–2013

ЗИТКА

Чего ещё надо?! Благоухают сады.
В садах пахнет яблоками июля.
И никакой не предвещают беды
прилетевшие пчёлы за мёдом из улей.

Но кошка Зитка сводит хозяйку с ума
мяуканьем страшным и криком утробным.
У ног катается, никак не поймёт сама,
почему суженый не спешит к ней по тропам.

И хозяйка зовёт – хоть какого-нибудь – кота:
пусть завалищего, но способного к действию.
И раздаётся: «Кись-кись! Кись-кись!» Пустота.
Но от вопля и крика ей некуда деться.

Не топить же любимицу в бочке. Авось,
переживёт это волнение крови.
Как прежде, трубою держать будет хвост,
ходить, как царевна, бесшумно по кровле.

Но, не ведая, с какого упав потолка,
в пыли валяется – не голубая уже, не кроткая...
Хоть на аркане тащи ей кота, –
но вся местность в округе – бескотная.

Если не считать одного красавца – увы!
Он тут ни при чём. Его нечего хаять.
О себе он ни разу не слышал молвы,
что кастрат – он. Природа на нём отдыхает.

27–28.09.2014

* * *

Я ли ввысь не рвалась,
в этот мир синий-синий,
где тебе ни границ, ни оград, ни межи
и где слабый душою становится сильным
и внизу, все внизу под тобой этажи.

Под тобой паутинкою вьётся дорога,
муравьиной цепочкой бегут поезда...
Поселили меня во владениях Бога,
и живёт по соседству со мною звезда.

Озарится окно невзначай метеором,
вздыбит облако гриву, подобное льву.
Но ищу я кого-то растерянным взором
и, как будто в беде я, на помощь зову.

И, наверное, выгляжу как-то нелепо:
проводя ли день иль встречая зарю,
если раньше смотреть я любила на небо,
то теперь я всё чаще на землю смотрю.

Где-то там, подо мною проносятся гулы,
балагурит с листвою разговорчивый дождь.
Где-то лось, облизав пересохшие губы,
протрубит, и лосиха почувствует дрожь.

Где-то там увяданьем охвачена зелень,
и созревшее в землю ложится зерно...
И я тоже спешу опуститься на землю:
слишком тяга сильна

жить, как травы, земно.

* * *

Памяти И.В. Соколова

Не плачьте, близкие! Молчите, циники!
Прошло полгода. Я – о нём...
О, как выращивал он циннии
на подоконнике своём.

С любовью, нежностью, отчаяньем
росткам внушал своё родство,
заваркою поил из чайника,
для роста подливал раствор.

Себя не обольщал советами,
но знал: нельзя природе врать.
И суть свою пропел сонетами:
цветы не для того, чтоб – рвать,

чтобы в глаза они с укорами
смотрели, с лиц срывая грим...
Какие строки помощь скорая
в небытие умчала с ним?..

Но озарили сад наш циннии,
лиловый источая свет...
Не плачьте, близкие! Молчите циники!
Вдыхайте солнечный сонет!

2001

* * *

Сидеть и ничего не ждать –
немыслимо и невозможно...
Ведь она рядом – благодать,
её и зреть, и слышать можно.

Взгляни в окно, не отрекись
от светотеней праздно́й пляски.
Свою обшарпанную кисть
макай со страстью прежней в краски.

Забудь озноб. Запечатлеть
успей сей миг необратимый:
листва не хочет просто тлеть
и ждёт огня, как побратима.

Он двор дыханьем опалит –
деревья вспыхнут, словно свечи...
И всё, что у тебя болит,
свеченьем неземным излечит.

2011

ПОКУПКА ДОМА

Передряги, передряги,
повороты, да коряги,
да вокруг дремучий лес...
А тебе куда-то надо.
Путь совсем не для парада –
семивёрстный, до небес.

А точнее – до болота,
где живёт угрюмый кто-то.
Кто? Увидишь и поймёшь.
А пока ты, спотыкаясь,
чертыхаясь, в чём-то каясь,
меж стволов седых бредёшь.

У ветвей иголки – колки.
А за ними бродят волки.
И – того гляди – медведь
приподнимется на лапы,
и тогда всё – крышка, амба,
коль рукой заденешь ветвь.

Выпятив глаза от страха,
включья изодрав рубаху,
жаждешь ты воды простой –
пить и пить её устами...
И всё ждёшь, как за кустами
ослепит глаза простор.

Ты увидишь на опушке –
нет, ни терем, ни избушку –
пятистенную избу.
И твоё заметит око
пять наличников на окнах,
кружевную их резьбу.

Во дворе запахнет сеном.
Ты войдёшь, волнуясь, в сени
и в жильё откроешь дверь.
Дед седой шагнёт навстречу.
Впереди – желанный вечер,
позади – и страх, и зверь.

Приглушённый свет от лампы
упадёт на пол, на лавки.
Оживится старикан.
Пригласит тебя за стол он.
Будет горек торг и солон –
будет с выпивкой стакан.

И, порядком захмелевшим,
вам мозги запудрит леший...
Но свершится торг – Бог даст!
Хоть не раз увидишь кукиш,
ты избу у деда купишь,
он избу тебе продаст.

1968

* * *

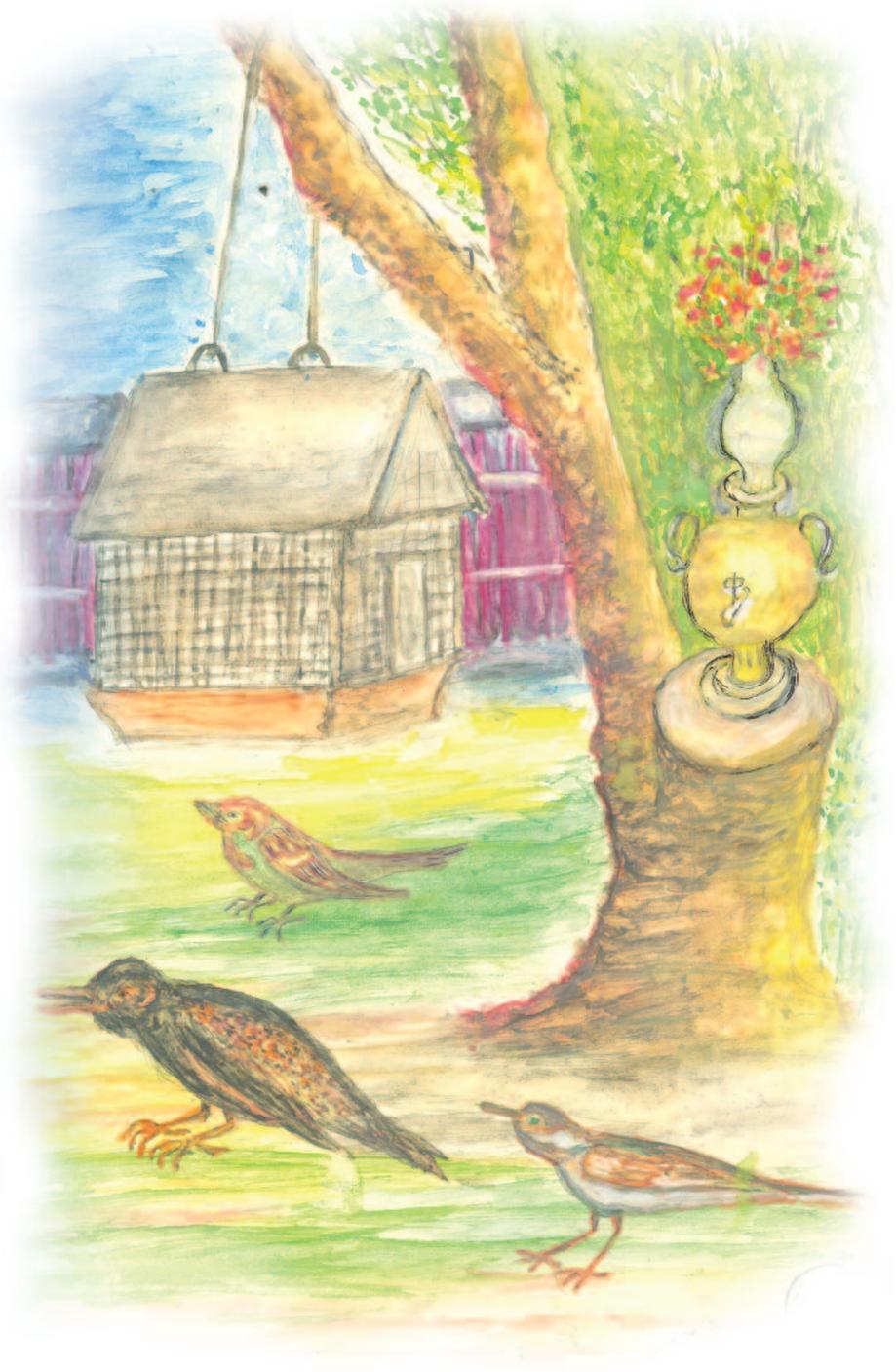
Раздолий неоглядных отпрыск –
храню в крови их тихий нрав...
Едва мне город выдаст отпуск,
как я – среди цветов и трав.

Ко мне толпой спешат ромашки,
чуть колыхаясь на ветру.
И укрощаю я замашки –
охапками их не беру.

Мой взор к любой былинке чуток,
к любой росинке на весу...
Но лютик – луговых просторов чудо –
домой в петлице принесу.

1980-е

ДАЧНАЯ ОКРОШКА

Хорошо, что хорошо, что
кот с собакою пришёл.
Я поглажу их по шерстке –
всем нам будет хорошо.

Никакой взаимной лести
ни с собакой, ни с котом...
Даже новости и вести
мы оставим на потом.

Позабудем гнев боярский,
и что царь, как прежде, крут,
и что Минин и Пожарский
неприменно в Кремль войдут.

1996

ЖАРКОЕ ЛЕТО 2002 ГОДА

Египет, пирамиды – всё архаика...
Когда на градуснике – под пятьдесят,
я вживе вижу, как из жаркой Африки
в квадрате – восемь соток – сел десант.

Он держит над землёю купол солнечный –
над матерью, едва живой и стонущей, –
и каждый луч готов её убить...
И я в жаре убийственной – при деле:
брожу меж грядок жалких еле-еле,
они – в больном бреде и просят пить.

Прохладный дождик лью на них из шланга я
и страждущему жизнь дарю цветку...
Она ведь – эта жизнь – такая сладкая,
что пьём её, как влагу, по глотку.

2002

* * *

О жизни спорим сгоряча:
что в ней – нетленная основа?
И гаснем в споре, как свеча...
О, да: «Вначале было Слово...»

Однажды с губ слетев, оно
весь мир собой преобразило.
Жизнь говорит – в нём слов полно,
а мысли трудно выразимы.

И город, словно призрак, мглист,
и ругань – справа, вопли – слева,
и вера в то, что чистый лист,
как поле, ждущее посева.

Он – пахарь – в думах теплит мзду.
А я и не воображаю.
Вот проложить бы борозду,
чтоб колоситься урожаю.

И труд мой со словами тих
и непрерывен – видишь, Боже...
Я долго пестовала их,
и на меня они похожи.

2011

ДЕРЕВЦЕ

1

На что-то в жизни надо же надеяться,
во что-то верить – ну, хотя б в росу...
Тряпицею обёрнутое, деревце
я бережно по городу несу.

Оно ещё хранит тепло родимое
той почвы, где и влажно и черно,
откуда вырвалось – неукротимое, –
как раковинку, раздвоив зерно.

И, старого благодаря садовника
за хлопоты его и недосып,
я рвусь из города к заброшенному домику,
который запустеньем вволю сыт.

Ещё пожить он на земле надеется,
и долгими ночами грезится во сне,
что перед ним посаженное деревце
увидело себя – цветущее – в окне.

2

А город, словно море бурное,
на гребни волн взметнувшее труху,
кипит, гудит, притянутый трибунами
с вождями и речами наверху.

Он силу выплеснул на площади дремучую,
почуявший и волю, и простор...
И я стихией с деревцем закручена –
желаниям моим наперекор.

И голос мой – затерянный и тоненький, –
охрипшая, орущая не слышит Русь...
Как утопающий от страха за соломинку,
за деревце с надеждою держусь.

1990-е

СЕЯТЕЛЬ

Июль в разгаре. Сам на себя похож.
Плывут облака по небу лениво.
В зените – солнце. Созревает рожь.
Колышется до горизонта нива.

Оставив у дороги «Жигули»,
он пошагал к ней, всматриваясь жадно:
«Богатство наше вырастить смогли!..» –
и замер перед надвигающейся жатвой.

Ржаного хлеба золотой массив
шумит, шумит... Услышьте, люди!
Стоит он – молод, полон сил, красив –
и знает: будет Хлеб лежать
в домах – на блюде.

2015

* * *

Друзья, настигнутые внуками,
молчат. Им не до наших встреч.
Всё чаще в телефон ауканьем
доносится до слуха речь.

Их не поймать уже на удочку
мечты возвышенной. Тогда
я телефон беру, как дудочку,
играю, плюнув на года.

И душу вкладываю в пение.
Скликаю в круг моих друзей,
тем утешаясь, что терпение
воздвигло даже Колизей.

Но всё напрасно. В пропасть канули
взаимный смех и добрый взгляд.
И клятвы попранные камнями
на дно той пропасти летят.

И гул, дробясь, дрожит над бездною.
И мне осталось ублажать
мои порывы бесполезные –
падение это задержать.

1980

* * *

1

Неожиданно вышло и непонятно:
и озноб – по спине, и в груди моей – жар...
Не пойми меня вновь, как бывало, превратно –
просто мало сказать, что мне прошлого жаль.

Наклонюсь над столом и придвину бумагу.
Но сумею ль поведать ей главную суть?
Наказанье ль постигло меня или благо,
рассудить разве сможет мой собственный суд?

Разум с чувствами делят меня меж собою.
И бумага бела, и зависло перо.
Закипают чернила, не выдержав боли...
Хоть и грех, но скажу: «Нет, любовь – не добро...»

Поливаю слезами слова, как рассаду.
Не подскажет никто, как вернуться назад
и зачем посылаю письмо адресату,
для которого я – нулевой адресат.

2

Такие выпали дела –
бумага на столе бела
была доньше. Кто в ответе?
Ни слуха и ни духа. Тишь –
и я молчу, и ты молчишь,
как будто нас и нет на свете.

Но я живая и дышу,
и – что всего важней – пишу:
с небес спустилось вдохновенье,
как дуновенье ветерка,
качнуло шторы край слегка
и пролилось в моё владенье.

И в грудь мою. И я – не та,
какой была. И пустота,
оставив пост свой, испарилась.
Преобразился, ожил дом:
любая безделушка в нём
готова петь в ответ на милость

неведомых, незримых сил.
И луч – заоблачных просторов сын –
на стены плещет радость снова.
Прильнёт к щеке, коснётся плеч –
и в горле оживает речь,
и просится на волю слово.

1970-е

* * *

Пусть это будет вымыслом моим,
стремленьем истины коснуться, сути...
Бег времени жесток, неумолим:
одно и то ж, – что миг, что промельк суток.

А сонм забот – сколь к цели ни спеши –
сжигает изнутри все лучшие влеченья.
О рёбра бьётся вечный плач души,
не в силах вырваться из заточенья.

И не слышать сквозь молчанье стен –
не то что шёпота – ни выкрика, ни вопля...
Но, не глотнув простора, умереть затем –
у моря не захочет даже вобла.

2011

* * *

Богатства лёгкого синдром –
иначе б так не ошалели,
устроив бешеный содом
с десантом дев – не пряча цели.

Не по-людски гуляет плоть –
не жаль полцарства за утеху.
До лампочки им, что Господь
на них с тоскою смотрит сверху.

До лампочки им гнев Суда.
Они – в раю, ад и не снится.
В глазах – ни капельки стыда...
А вы должны за них стыдиться.

1990-е

* * *

Я знаю, есть он – естества закон.
Лежит на мне печать первопричины...
О, сколько их передо мной окон,
воспоминаями зажжённых о мужчинах,

которых нет давным-давно. Отнять,
прервать дыханье им успели пули.
Летят, летят воспоминанья вспять,
как пчёлы, голодом гонимые, из улей.

Они летят туда, где синие цветы
пытаются глядеть глазами павших.
Прости меня! Но слишком больно ты
в лицо листвою сыплешь мне опавшей.

И каждый лист горяч до красноты.
Не остудили их ни вёрсты и ни ветры.
Всё листья, листья обжигают, но не ты.
И плеч касаются моих не руки – ветви.

Порой мне кажется: ты существуешь, есть.
И свет в твоём окошке тихом в полночь
так успевает радужно расцвести,
что понимаю – не нужна там помощь.

О, если так, пусть длится эта ночь.
И значит не пропал порыв мой даром,
когда спешила я тебе помочь,
когда дымы клубились, как удавы,

и вверх ползли, вставали на дыбы,
кишмя кишели, извиваясь в кольца.
Чудовища пожарищ и пальбы –
они у юности украли солнце.

1977

* * *

Мы шли вдвоём и спорили о лирике,
пытаясь докопаться до основ.
Деревья с нами говорили мимикой,
не прибегая к выпренности слов.

Мы спорили. Вокруг жила поэзия.
На листьях, на стволах – её печать.
Мы поняли, что нам куда полезнее
остановиться, хоть на миг, и помолчать.

И чувством самым добрым переполнены,
вообразив, что найдены ключи,
остановились и не сразу поняли,
что это дуб обугленный кричит,

пугая птиц, как древнее чудовище,
один среди безмолвия могил
пытается поведать о побоище,
которое не перенёс, не пережил.

Стояли мы – два потрясённых лирика.
Безглавый дуб всему был голова.
И знали мы, что тут бессильна мимика,
что здесь нужны железные слова.

1980-е

* * *

Течёт предо мною малышка-река,
 вся просвеченная до донышка.
 Сверкают на солнце рыбёшек бока.
 Рыбёшки – с ржаное зёрнышко.

Сидеть бы беспечно под ивой густой,
 любоваться промытым песком бы...
 Да мост через речку лежит не простой –
 цепочкой брошены в воду бомбы.

Как видно, давно им сапёра рука
 распотрошила нутро умело.
 А кто-то привёз их сюда «на пока» –
 делайте, дескать, нужное дело.

Примчались девчушки, уселись на них
 и хлебными крошками кормят рыбок...
 И во мне рождается стих
 из гнева и детских улыбок.

И сердце покоя не знает, и мозг.
 И голос вскипает лирический:
 «Все бомбы собрать –
 можно выстроить мост
 через океан
 Атлантический».

1960-е

* * *

Вечерних сумерек лиловый фон.
На этом фоне – голубь и голубка...
Но зазвонил так громко телефон,
что от испуга задрожала трубка.

И с каждым мигом нарастал напор.
Прервать его рука моя боялась.
А звон напоминал потоки с гор,
небесный гнев и зверя ярость.

Как ни хотела, всё-таки взяла
в ладонь неотвратимую немилость.
И трубка, раскалённая от зла,
перед глазами в темноте искрилась.

И бесполезны были здесь слова:
по-прежнему они и я – в опале...
От боли снова пухла голова,
и с голубями сумерки пропали.

1970-е

ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Мы много молчали, испещрённые болями.
Нам не надо – Всевышний, услышь нас – вождя.
Но собраться должны мы с последнею волею, –
не с бумажкой – с надеждой в кабину войдя.

Мы играем с судьбой, чтоб не выиграл кто-то,
издеваясь и торжествуя опять...
Не заведи, как Сусанин поляков, в болото,
где разве что можно, безмолвствуя, спать.

И мы в урны опустим надежды – не плачи.
А ещё мы опустим – перед будущим страх...
Сделай так, чтоб всё было иначе
и Россия святая светилась у нас на устах.

2011

* * *

Вчера была Тверская голая
и тёмная была, как тень.
Сегодня снег валит на головы,
на крыши, скверы – целый день...

Тропу вдоль тротуара длинную
к Манежу медленно торю
и за одежду лебединую
«Спасибо!» – небу говорю.

2000

* * *

Памяти Паши Соколова

Георгины в саду полыхают, космеи.
Что-то надо сказать им – цветущим – в ответ.
Но слова разбежались, собрать не умею,
как всегда это было, в единый букет.

А молчание тоже ведь можно услышать.
Больше года безвременный тянется срок...
И слетает дыханием ласковым свыше,
прикасаясь к лицу моему, ветерок.

Я пытаюсь его уловить и погладить,
и губами тянусь к бестелесным рукам.
Поднимаю глаза от земли над оградой,
где небесная высь отдана облакам.

И клубятся они белоснежною вишней,
от меня уплывают и сходят на нет.
Вопрошает мой взгляд: неужель не увижу
в одеянии белом родной силуэт?

Он не может проплыть незаметным сегодня.
Он услышит молитвы земные слова.
Его явит очам моим Воля Господня:
ведь ему было б здесь – на земле –
тридцать два.

29.08.2006

* * *

Неужели и впрямь из Иванов непомнящих?..
До второго колена – и весь твой запас?..
Подскочу, как в горячке, глубокою полночью
и в звезду за окном вперю пристальный глаз.

Уж она-то всё видит воочью и видела:
этот с Запада и до Востока размах,
и в степях – к нам бредущих из древности – идолов,
и блеск шапки музейной, в которой ходил Мономах.

Уж она-то хранила в содоме небесном Покрышкина.
Принимал её знаки Гагарин на слух...
Никаким ухищреньям киношным и книжками
не объять целой нации подвиг и дух.

И, когда в облаченьях обманчивых смута
навалилась, в любую протиснулась щель,
не склонила я голову и почему-то
улыбнулась – Иванов, всё помнящих, дочь.

Видно, знала, что сгинет бесследно – не звана –
муть затменья, как с поля прогретого лёд.
Не приживается семя сплошного обмана
и, как ни стараются сеятели, сгниёт.

2012

В СИРЕНЕВОМ ПЛЕНУ

1

Застала. Выпала удача.
Не проворонила. Не проспала.
Густою тенью заслоняя дачи,
цвели сиреневые купола.

Они всю сиренево звонили,
сирени источая аромат.
Кого любили и кого недолюбили,
был нежностью сиреневой объят.

И мне среди сирени выпал отдых.
Взахлѐб дышала и захлѐб пила –
пропитанный сиреневым нектаром – воздух,
пока в сиреновом плену жила.

2015

2

Припоминая голоса напутствий,
в сиреновом плену оставленную даль,
семь веточек с сиреневою грустью,
водою окропив, поставила в хрусталь.

И закружилась возле них, как в танце.
Но сколько правды от себя ни прячь –
сиреневых не будет больше странствий.
Семь веточек сиреневых – как плач.

И стены стали вроде не такими.
И почему-то трудно в них дышать.
На голову хотелось опрокинуть
сиреневого воздуха ушат.

И чтоб там в дальнем далеке ни случилось,
какой горючей ни была б слеза
(семь веточек сиреневых – так мало) –
раскрой окно и распахни глаза.

За ним плоды невидимых стараний
(старания благие не кори) –
деревья молчаливые стояли
в сиреневых коронах, как цари.

И ветерок не нарушал затишье,
не теребил волос моих седую прядь,
пока живая вязь четверостиший
ложилась памятью сиреневой в тетрадь.

2015

МАТЕРИНСТВО

1

Что кануло, то походя не тронь –
суждений прежних, преклонений...
Но перед женщиной, в ком вечности огонь,
как мы не встать посмели на колени?

Как мать могли мы в ней не разглядеть,
шинель накинувшую на себя, ушанку,
так высоко сумевшую взлететь, –
ни самолёту не настичь уже, ни танку.

Нет, мы уподобились разгневанной толпе.
Мы не слышали одной ей ведомого зова.
Мы думали: «Неужто по тропе
не больно ей нести клеймо позора?»

Зачем понадобилось ей влезать в шинель,
на плечи взваливать нелёгкий груз погонов?
Не для того ли, чтобы спрятать цель –
за маленькой страстишкой погоню,

когда одна владела всеми цель –
смертельный клин таким же выбить клином,
остался б только край родимый цел
с берёзами и клином журавлиным».

Мы думали: «О Господи, какой позор!
Ложится тень на всё девичье войско...»
А как был страшен политрук и зол:
«Так вот оно-то яблоко румяное в авоське.

То, сорванное тайно с дерева зла...»
Но живота круглилось полукружье.
И женщина во всеоружье шла,
хотя и старшине сдала своё оружие.

Одна потёртая и старая на ней шинель.
И снят ремень, живот раздвинул полы.
И взгляды, взгляды следом, – как шрапнель,
Ухмылки в спину, – как штыков уколы.

Я тоже гнев испытывала там.
Глядела вслед со всеми, негодуя.
Со всеми шла незримо по пятам.
Но как с собою – прежней – не в ладу я.

2

Отрезаны, позаросли назад пути.
Не дай туда нам, Боже, возвращенья.
Но где её, чтоб на колени встать, найти
и попросить, как мать у матери, прощенья!

Сказать: «Несовершенен мир земной, жесток.
Но материнство женщиной повелевает каждой.
И лишь любви пронзительный глоток
способен утолить мучительную жажду.

Испить его хоть раз бы на веку...
Одежды о штыки и жерла обрывая,
ты потянулась жадно к роднику,
как ягода, зардевшаяся, заревая.

Прильнула. Разве в том твоя вина,
что сыпались не бомбы сверху – поцелуи
с горячих и желанных губ, как семена
на землю, жадную до жизни и сырую,

готовую из семени взметнуть росток...
Не вынося пороховой и дымный запах,
ушла ты, тяжело ступая, на восток.
И багровел и клокотал от злобы запад,

что уносила жизнь из лап его в века...»
Нет-нет, я встречу, я найду её, узнаю.
Дымы светлели, превращались в облака.
Она по ним ступала, неземная.

3

Так над землёю высоко взлететь!..
Смотрели люди. Не дышали: «Богоматерь!..
Что думал он, дерзнувший кисть воздеть,
что знал, когда холста коснулся кистью, мастер?

Откуда столько в нём явилось сил?
Что чувствовал в тот миг далёкий сердцем,
когда её над миром возносил –
мать человеческую – у груди с младенцем*.

* Имеется в виду картина Рафаэля Санти «Сикстинская мадонна».

Печальная, она идёт по облакам.
Трепещет покрывало, словно парус.
И люди, благодарные векам,
к ней руки простирают, улыбаясь.

И люди ждут столетия подряд,
когда она ногой на землю ступит,
где мудрецы над книгами мудрят,
слова толкут, рай обещаая, в ступе.

А люди знают, что такое ад.
Не надо рая им, им только бы покоя.
Им страшно глянуть в прошлое, назад.
Покой? Они забыли, что это такое.

На лицах ожидания печать.
Ревут аэродромы, космодромы.
Пытаются тот рёв перекричать
новорождённые под крышами роддомов.

Надежды те дома в себе таят.
Там вечный зайчик солнечный на окнах.
У окон матери с младенцами стоят,
как на несозданных пока ещё полотнах.

1970-е

Город, город, не карай...

* * *

Город, город, не карай!
Город, ты прости меня!
Есть далёкий синий край,
дождиком простиранный.

Там дымок у камыша –
над ухой наваристой.
Там на землю не спеша
сходит солнце аистом.

Медленное, на весу
проплывёт над озером
и начнёт клевать росу
с листьев клювом розовым.

Я легонечко вздохну:
знаю – за деревьями
к тихому прильнёт окну
эта птица древняя.

Скажет:
«Помню, здесь жила
тоненькая девочка.
Помнится, она была
шустрая, как белочка...»

Может, впрямь такая речь
женщине почудится,
бросит варево и печь,
у окна очутится.

Станет фартук мять в руке.
И, совсем не прошена,
по морщинистой щеке
скатится горошина.

Город, город, не карай!
Город, ты прости меня!
Есть далёкий синий край,
дождиком простиранный.

1970-е

* * *

Под низенькой соломенной крышей,
где ветви вишен тычутся в карниз,
мне хорошо сквозь сон прозрачный слышать:
– Уже светает за окном. Проснись!

И я встаю, гляжу в полусознании:
то ли светает, то ли свет любви
восходит за окном. И соловьи
слагают в честь неё свои сказанья.

И думы, и мечты мои чисты.
Дивлюсь, как сну нечаянному, яви:
трепещут каждой веточкой кусты
в согласии едином с соловьями,

как будто голос тоже обрели,
как будто листья превратились в перья.
И плавное струится от земли
похожее на дождь зелёный пенье.

Природа вся на утренней волне.
И, с тихой болью покидая землю,
разбуженная музыка во мне
восходит, словно вешний сок по стеблю.

И подступает к горлу и звенит.
И нет исхода у неё иного –
сорваться с губ моих, взлететь в зенит
гораздо раньше, чем скажу я слово.

1965

БЕЗМОЛВИЕ

Безмолвье сосен,
будто каменных.
Безмолвье поросли
молоденькой.
И безысходность
звуков камерных
в их тяготении
к мелодии,
словно детей бездомных
к матери...

Но разве прекращались
поиски?
В себя ушедший,
невнимательный,
опять сойдёт безумец
с поезда
у самой глухоманной
будочки,
где вряд ли существует
разница
меж тишиной обычной,
будничной
и тишиной другою,
праздничной.
И где ни троп тебе,
ни просеки,
где на поляне
травам буйствовать,

безмолвный,
он замрёт у сосенки,
чтоб каждый вздох её
почувствовать.
От шума,
 гама,
 измельчания
он будет пить и пить
молчание
у тишины самой
на пиршестве...
Потом споётся
 и напишется.

1969

ИСКРА

Давно ручьи и травы высохли,
где мать смеялась, пел отец,
где искру божескую высекли
прикосновеньем двух сердец.

Её, как самое заветное,
вложили в душу мне:
«Гори!
И под дождями и под ветрами
гори – и нас благодари...»

Благодарю за дар тот искренне.
Вокруг почувствовав простор,
в душе моей – уже не искорка,
а занимается костёр.

Порой вздыхаю:
«Не напрасно ли?», –
глубоко горечь затая.
А он себе победу празднует
над сумраком небытия.

1964

ВОСПОМИНАНИЯ О КРЫМЕ

1

Первая встреча

Годами брать себя измором,
как чайка по ночам кричать
и, очутившись перед морем,
оторопело замолчать.

Не изменяя Подмосковью,
смотреть в простор, от волн рябой.
Своё, бунтарское,
морское
бросает под ноги прибой.

Шумит и пенится у края,
губами гальку теребя...
Меня, наверное, украли
младенцем, море, у тебя.

Не вняв ни гневу, ни печали,
ни вслед метнувшейся волне,
со свистом к северу умчали
на самом быстром скакуне.

И где-то, в глубине России,
вдали от диких берегов,
меня Ивановной растили
среди колосящихся хлебов.

Я тишину брала не споря
и поднималась у ручья.
– Нет, ты моя! – из-за плеча
шумело по-шаманьи море.

Ах, море, я на зов тот вечный
тебя примчалась обнимать.
Но ждёт ручей,
ждёт тихий вечер,
ждёт в глубине России –
мать...

1975

2

Ай-Петри

...Только море лениво играло боками,
осыпая на берег серебряный звон,
да деревья, толпясь и цепляясь за камни,
по отрогам спешили к тебе на поклон.

Да цветок над ручьём, по утрам просыпаясь,
раскрывался навстречу лучу и пчеле...
Но однажды то ль белая чайка, то ль парус
покачнётся от ветра вдали на челне.

И уже с той поры не сомкнуть тебе веки.
Не вздремнуть. А проходят века и века.
И чего ему надобно здесь – человеку, –
угадаешь ли, глядя на всё свысока?

Вот, роняя со лба бьющий в ноздри, как мускус,
пот солёный, он камни кувалдою бьёт.

Нелегко, если каждый вздымается мускул
и опять тот же – пахнувший мускусом – пот.

И опять то же солнце, как спрут, за плечами.
И опять горячей сковородки спина.
Но уже он гармонии чует начало,
той, что в хаосе каменном погребена.

И в какой-то из дней, изнывая от зноя,
человек распрямится, отбросит резец
и замрёт, увидав своё диво резное, –
на большую шкатулку похожий дворец...*

Заглядишься и ты... Но, корёжась от боли,
человека иного припомнишь. Вот он,
словно высеченный для боя,
мчится, саблю рванув из но́жн.

И под взмахом руки – нет, не круглые камни –
это головы катятся под гору вскачь.
И у кромки морской – нет, не красные канны –
это берег от крови багров и горяч.

Никнут листья деревьев, в дыму задыхаясь.
Блёт имя твоё, что нарёк тебе грек...
Вопрошаешь: «Что: сон или явь – этот хаос?
И где истинный он на земле – человек?»

Ветер свищет в ответ: «Он в дороге, Ай-Петри!
А над нею то солнце, то снова гроза...»
Ты дорогу надел на себя, словно петлю,
только б глянуть тому Человеку в глаза.

1970-е

* Имеется в виду дворец в Алушке.

3

Голос из Ялты

Говори, говори, речи не прерывай!
Я вдыхаю, я пью твой приветливый голос.
Пусть на миг предо мной промелькнёт южный рай
из полночных огней, – словно к колосу колос.

Словно ель в разноцветье своём – для детей, –
в котловине сияющей и по отрогам.
И становится радостней мне и теплей.
И я знать не хочу: это мало для жизни иль много?

Говори, говори, речи не прерывай!
Она льётся из крымского прошлого, с моря.
Я боюсь: волн меж нами поднимется вал
и звучанье её шторм напористый смоем.

Между тем в порт спешат и спешат корабли.
Я их вижу: громадны, как айсберги, и величавы.
Сколько дней утекло, сколько вёрст прогребли,
прежде чем прикоснуться к причалу!

Прежде чем протрубит баритон или бас
так, что дыбом поднимется волос.
Говори, говори! Но накрыл он и нас,
и в просторе морском растворился твой голос.

2014

4

* * *

По колено в снегу по Москве бродит март.
Разве в Ялте такое случиться могло ли?
Солнце туч – из-за гор – разгребает накат.
К солнцу тянутся жадно бутоны магнолий.

Мне отсюда твоя еле видится даль.
В снежной кипени и волочусь, и тоскую.
Без меня в нежной кипени блещет миндаль.
И, зелёная вся, рядом светится туя.

Здесь спешат, словно в кокон, укутаться в шаль.
А тепло утекает в какую-то нёбыль.
В Ялте праздничной – утро, и огненный шар
выплывает из моря лазурного в небо.

Ты из дома навстречу летишь, словно чиж.
Словно светом нездешним тебя озарило,
руки радостно тянешь к нему и кричишь:
«Берендеи, вставайте взглянуть на Ярило!»

2014

5

Приморский парк

До удивления – ни шума, ни помех...
Одно успокоенье и доверье...
Приморский парк уступами уходит вверх.
Аллея роз. Кусты. Деревья.

Южанин – олеандр, бесстыдница*, сосна...
И ты с трудом ступаешь по уступам...
А я в сии мгновения должна –
подумать только! – заниматься супом.

Однажды я дала себе обет:
быть даже с супом вежливой и доброй.
Иначе как же: должен быть обед –
какой-нибудь, но всё-таки съедобный.

А в парке том – Приморском – ты
пьёшь аромат, как вина. Это ль не безбожно?
Глядишь на ярко-жёлтые кусты.
Выходит, без меня глядеть возможно?

А с самой высоты посмотришь вниз –
для пущей радости глядеть извольте! –
ни тёмный и ни синий – о, какой каприз! –
лазоревый покой до горизонта.

А горизонт весь серебром звенит
для восхищенья твоего, – если угодно.
И солнце, раскалённое в зенит,
ползёт по небосводу неохотно.

Недвижен воздух. Зной. И ни одна игла
не шелохнётся в кронах разомлевших сосен...
– Любуйся! – я себя превозмогла.
И берегись! – по Цельсию + 28,8°.

2014

* Земляничное дерево.

6

* * *

Противники литературных распрей,
сторонники традиции простой,
на ялтинской земле, в местечке Гаспри
встречались Чехов, Горький и Толстой.

Сидел Толстой в своей толстовской блузе.
И свет беседы до зари не гас.
И говорил он тихо:
– Будь спокойна, Муза,
и за себя – святую – и за нас...

А время беспощадно годы нижет.
На этой же приветливой земле
светла судьба – ступеньками пониже –
Саницкую, Петренко и Мишле.

Их те же крепко связывают узы.
И так же трепетен беседы свет.
И ждут они благословенья Музы.
А Музы почему-то нет и нет.

7

Шахтёр

Душа – Небес творенье и Земли –
её насквозь огни прожгли,
мерцающие в небе безвозмездно...
О, эти голубые «Жигули»,
над чёрной проносящиеся бездной!

Им скорость искромётная нужна.
И я всю жизнь благодарить должна
с машиной слившегося воедино парня.
Уже внизу – и синяя волна,
и берег, и тропические пальмы.

И я лечу, я слышу шелест крыл.
И подо мною проплывает южный Крым.
И я черчу за петлей снова петлю.
И вижу, как он, покорясь, раскрыл
всю беспредельность мироздания – Ай-Петри.

И созерцающая землю свысока,
Вселенная так, кажется, близка,
что головой – вот-вот – заденешь звёзды.
И тянется сама моя рука
к налитым голубым мерцаньем гроздьям.

А парень – современен и умён.
Он высотой распахнутой пленён,
готов он ею вечность любоваться.
И я прошу:
– Нельзя ли в глубь времён,
перевалив через хребет земной, прорваться?

А парень и улыбчив, и остёр:
– Я только что оттуда.
Я – шахтёр, –
расправил грудь он и раскинул руки.
И, вырвавшись из подземелья на простор,
готов вобрать в себя всю синь, все звуки.

А я ему твержу своё:

– Прости!

Врезаться в мезозойские пласты,
быть чёрным после, словно негр, без грима –
да, это нелегко. Но где они – мосты
меж днём сегодняшним и днём минувшим Крима?

Но есть он у шахтёра – свой азарт.

Сказал:

– Лишь стоит на педаль нажать,
как, не опомнясь, ты – в пределах рая,
нестись со свистом снова вниз, обозревать
в упор пласты веков – Бахчисарая...

И донеслись, уставшие в пути слегка.

Над нами к морю плыли облака...

Потом, на севере моём, наверняка,
я вспомню этот день. Задёрнув штору,
к перу моя потянется рука
и на бумаге имя выведет шахтёра.

Тогда скажу:

– Благодарю за непокой,
когда за выстраданной каждой строкой –
полночный свет от лампочки настольной,
когда, чтоб до звезды достать рукой,
не миновать своей – с породой твёрдой – штольни...

А после улыбнуться: «Повезло,

что мимо неудачи пронесло...»

Вот только б наших сил не убывало.

Вот только – упаси нас – не произошло,
пока в пласты врубаемся – обвала.

8

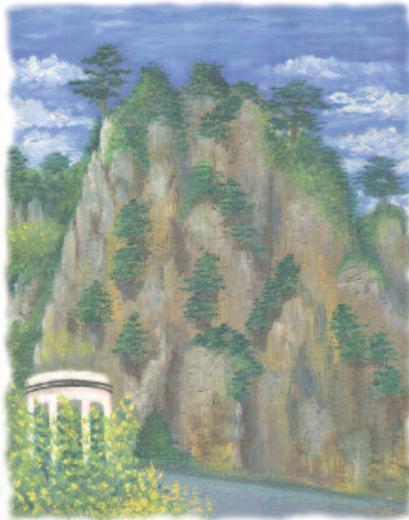
* * *

...И что бы ни глаголили уста,
какие ни сулила б жизнь мытарства,
мы есть, мы будем, и чиста
звезда одним нам ведомого царства.

Как даль там неоглядная видна!
Как там мерцание огней несметно!
И как разбившаяся о скалу волна
и вольнодумна, и бессмертна!

Ей заповедные оберегать края,
волнуясь, пенясь, клокоча и воя,
пока четыре вскинуты крыла,
пока летят над синей бездной двое.

1976

* * *

Знаю,
вновь это замаячит
и привидится снова это:
осень,

озеро,

трепет веток.

И стихи прочитает мальчик
умудрённым годами соснам
и сошедшему к соснам солнцу...

А со мной он смешает осень.

Рассмеётся. Всплеснёт руками.

– Я люблю тебя!.. –

звонко бросит.

Это в душу.

А в воду камень

звонко бросит среди дубравы,

ни добра и ни зла не желая...

Но забьётся волна живая

от такой от его забавы.

1971

* * *

Врасплох застигнута, жалеть не буду,
что даль – не та и я – не та уже.
Снега, снега декабрьские повсюду:
на крышах, на деревьях, на душе.

Отпелось. Отплясалось. Слишком лихо.
О, трезвости и боль, и благодать!
И так вокруг незыблемо и тихо,
что ни вздохнуть, ни голоса подать.

И лишь стоять и одеваться в иней,
поверив на мгновение в волшебство,
и с этой пригорюнившейся ивой
почувствовать внезапное родство.

1973

* * *

Г.М. Левину

Учитель наш!
Как девочка, молчу.
Найду ль для Вас
достойное сравненье?!

Но если в храме Муз
зажгла свечу,
то это с Вашего
благословенья.

23.10.1977

* * *

Е.А. Похвисневой
(По мотивам книги «Земная обитель»)

Должно же быть признание в любви.
Чем никогда, пусть будет лучше поздно.
Не затерялись мы между людьми.
И мне сегодня солнечно и звёздно.

Прожить нам время выпало одно, –
когда и рушили, и суд вершили...
Кому-то суждено было упасть на дно,
кому-то покорились гор вершины.

На Вас молиться надо бы горам:
так много отдали им сил и воли.
Срывался лазурит к Вашим ногам
и Сириус сиял над головою.

В неведомые дали протяжён,
у ног лежал, если не мир, – полмира.
Дыханием небесным Орион
Вас оведал среди хребтов Памира.

Когда ветра стихали и гроза,
Памир купался в синеве, покорный.
И кто-то в час ночной в Ваши глаза
глядел сквозь звёзды – Добрый и Спокойный.

И выше гор уже рвалась душа,
не знавшая ни сна и ни покоя.
И Вы, дела и помыслы верша,
к своей звезде притронулись рукою.

2015

* * *

...И обрастают крылья перьями.
И мало, мало им гнезда.
И так неотразима первая
над старой вербою звезда.

Её мне в сказах напорочили –
мою высокую слезу.
И я за ней с порога отчего,
заморожённая, слежу.

Густой настой земли и донника
вдыхаю просто и легко
и слышу, как о дно подойника
стучит, как дождик, молоко,

тревожит слух знакомой пляскою,
родной мелодией степей
и выговаривает ласково
мне так понятное:
– Испей!

О, эта песня материнская
в вечернем сумраке двора!
Тебе мои поклоны низкие
и первый слог из-под пера.

1967

ЛИДА

Она уже немолодая.
Морщин не скрыть, как ни мудри.
Но колокольчиком Валдая
в ней что-то бьётся изнутри.

Звенит и просится наружу.
И как беды, и как греха
боясь, она тайком от мужа
неловко трогает меха.

А звуки сыплются на платье!
Им пальцы крыльев не дают.
У ног голодные цыплята
их вместо зёрнышек склюют.

А на лице на женском – звёздно.
А в звёздах прячется испуг.
И понимание, что поздно...
И песнь тревожит, как недуг.

Хоть отступаем, но с боями!
Душа противится уму.
Я эту женщину с баяном
всем существом своим пойму.

1967

ПЛЯСКА

Огонь молчит в полене,
в ракушке – океан...
Парнишка о колено
переломил баян.

Пожалуйста, не жалко!
Ну, кто горяч и лих?
Ворвался на лужайку
и закружился вихрь.

Из радости, из горя,
из гордости воскрес.
И отступили горы.
И расступился лес.

Пожалуйста, не жалко!
Прозрачна и светла,
на солнечной лужайке
запущена юла.

А женщины и нету,
расплавлена лучом.
И вертится планета
под звонким каблучком.

1983

УХОДИТ СНЕГ

Уходит снег.

Осел он, отоштал.

Уходит снег мой тихо и печально.

И ты уже спешишь сказать:

– Прощай!

Мне дорог снег другой –

первоначальный. –

Я знаю снег нездешней чистоты,

его почти неуловимый шелест,

когда как бы нисходит с высоты

на землю нашу неземной пришелец.

Мне ведом снег небесный на кустах.

мерцающий на травах придорожных.

Тот снег, как поцелуи на устах,

я проношу высоко и тревожно.

И слышу, как шевелится зерно,

как луч к нему летит весенний с неба.

И где-то так знакомо и земно

ручей свой голос пробует под снегом...

Уходит снег.

Осел он, отоштал.

Уходит снег. Смотреть окрест печально.

И ты уже спешишь сказать:

– Прощай!

Мне дорог снег другой –

первоначальный...

* * *

И впереди не жду спокойных дней.
И с силой мне не справиться подспудной.
Она подступит прежнего сильней,
поκληчет в край, далёкий и безлюдный.

Старушка там совсем одна
у печки с чугуном хлопочет
и на меня как бы со дна
жителейского поднимет очи.

А в них – мольба седых полей.
И между нами – дождик, дождик.
И станет мне ещё больней
и всё-таки чуть-чуть надёжней.

О чём она беззубым ртом
своё, бессонное лепечет?
Не слышу. Дай же Бог потом
слова губам её –
при встрече.

1981

* * *

Там, где ветер играет с листвою опавшей,
проплывут журавли над осеннею пашней.

Высоко прокурлычат они над избушкой.
Заглядится им вслед у калитки старушка.

И прощально помашет рукой, завздыхает:
– Вот и снова куда-то они улетают.

Полушалком прикроет озябшие плечи.
– Доживу до весны – обязательно встречу.

И с ведром заспешит к журавлю у колодца.
Хорошо, что хоть он на земле остаётся

с этой пашней осенней, с этим небом и с нею.
И погладит она журавлиную шею.

Скажет:
– Старая птица! Пока не укрыли
нашу землю снега, разомни свои крылья,

потому что совсем нелегко сквозь метели
долететь до той первой апрельской капли...

1973

* * *

...А надо мной владычит север,
не очень щедрый на добро.
Гляжу в окно, как тучи сеют
на землю сверху серебро,

как плачет клён и тянет лапы
ко мне. Продрог. А я горю.
– Мой милый клён, не надо плакать!
Не надо плакать! –
говорю.

– Я огражу тебя от ветра.
Не так уж много в мире зла.
По почте в простеньком конверте
мне столько прислано тепла.

Не плачь! Клади на плечи лапы!
Сочту участие за честь.
Зажгу я свет настольной лампы,
чтоб и тебе письмо прочесть.

Живёт в нём тот огонь высокий,
когда невзгоды нипочём.
Рука, наверное, те строки
писала солнечным лучом.

1968

* * *

Е.Н. Шуваловой

Елена! Радость! Только штрих...
А остальное в безднах канет...
Но этот выдох, этот миг
и эти ландыши в стакане!

За окнами – подъёмный кран,
меж зданьями – осколок сини...
Вчера лишь подмосковный край
я целовала – что есть силы.

Вчера лишь надо мной летал,
стонал и жаловался чибис.
Вчера мне ноздри щекотал,
когда над ним склонялась, ирис.

Елена! Всё ещё учусь,
пытаясь вырулить на стрежень.
Из смутного сумбура чувств
пытаюсь вынуть главный стержень.

Опять я – в стенах – не средь нив.
Опять вгрызаюсь в жесть бумаги.
Но даже к ней лицо склонив,
выискиваю зёрна блага.

«При чём тут я?» – ты скажешь мне.
Опомнюсь и замру в смятенье.
Но оглянусь: и по стене
идут друг к другу наши тени.

Им надо что-то досказать –
чего мы в спешке не сказали...
Отброшу толщу лет назад:
Поэзия! Стихия! Ты – средь зала.

Над головой костёр горит.
Копны волос пылают пламя.
И зал притих. Не говорит.
Слова прикушены зубами.

А ты стоишь... Или идёшь...
Огонь горит и греет души.
И никакой бездарный дождь
его вовеки не потушит.

Ты скажешь: «Долго длится миг.
И ландыши к чему в стакане?»
Тебе протягиваю их
в стихах, не трогая руками.

1–2.06.2015

* * *

Туман, туман... Не спятить бы с ума.
Туман, туман... Назойливый, белёсый.
Лишь изредка высокие дома
насквозь его пронзают, как утёсы.

Туман, туман вокруг, как Божий суд,
как мор, заполонивший мир зелёный.
Высокие утёсы – знаю – не спасут
моей души, с другой – разъединённой.

Но я пытаюсь их соединить.
Всё прояснится – поздно или рано.
И провод – боли и надежды нить –
доносит голос дальний из тумана.

Там, на другом его конце, душа
свою звезду в сплошном тумане ищет.
На небо смотрит из окошка, не дыша,
забыв о близких, о друзьях, о пище.

Моя звезда в туманной глубине
наедине с безмолвною бедою,
сгорая, голос подаёт не мне,
и говорит, и говорит с другой звездой.

1984

КОСТЁР

Унты пургой дымились трудно,
последний отмеряя шаг.
Ещё свирепый голос тундры
истошно завывал в ушах.

Ещё не верил в передышку,
когда не страшно рухнуть ниц...
Но две оттаявших ледышки
вдруг влагой брызнули с ресниц.

Как был в ушанке, в шубе грубой,
ладони пред собой простёр.
Одно-единственное губы
Сумели прошептать:
– Костёр!..

К нему он шёл и дни, и ночи,
не чуя устали в ногах.
И, если не хватало мочи,
костёр мерещился в снегах.

Вокруг – лишь вьюги причитанье.
Так беспредельно, без конца.
И были смутны очертанья
неотразимого лица...

И вот от дымки
и от дыма
освободившись, как зерно
в свой срок от колоса,
так зримо
к нему повёрнуто оно.

Ему принадлежит и плавно,
чтоб ненароком не обжечь,
волос каштановое пламя
она отбрасывает с плеч.

Одно дыханье. И ни звука.
Да слышно, как дрожит звезда.
Он подхватил её на руки,
понёс, не ведая куда,

не ведая, о чём он плачет,
какую обретает власть...
Так нёс огонь далёкий пращур,
чтоб не смогли его украсть.

1965

УТРАЧЕННОЕ ВЕЛИКОЛЕПИЕ

О человек, Земля тебе – не тир.
Остудит кто твой раскалённый разум?
Недаром за тобой туранский тигр
следил из зарослей янтарным глазом.

Шаги бесшумно у озёр стелил
и замирал, предчувствуя свой жребий –
величественный рыжий властелин
тугайских рощ и тростниковых крепей.

За жизнь в жестокую вступал борьбу:
под стрелы мчал и под стволы из Тулы.
И два зрачка в его огромном лбу,
как две парализующие пули.

Но даже этой силе есть предел,
сопротивленью в мускулах упругих,
когда и лох* вокруг него редел
и уступал свои угодыя плугу.

Тоской обуреваем, понял зверь,
рыча в ответ мотору ранью ранней,
что в жидких кустиках не спрятаться теперь
и ни ему, и ни семье кабаньей.

* Кустарник или небольшое дерево.

И даже птицы в край иной неслись.
А он стоял, голодный, пасть оскалая.
Одна тропа ему осталась – ввысь.
И он пошёл, вонзая когти в скалы.

Здесь без потомства свой окончит век,
в скитаньях долгих не найдя невесту...
А там, внизу, разумный человек
похитил у него под солнцем место.

1967

У МОРЯ БАЛТИЙСКОГО

Ещё вчера оно лежало,
невозмутимое лицом,
и целый день песок лизало,
волною двигая с ленцой.

И столько доброты во взгляде,
что мне хотелось рядом сесть
и с тою же ленцою гладить
ладонью голубую шерсть.

И думать, полную покоя,
переводя на шёпот речь,
что так же тихо и покорно
к твоим ногам смогла бы лечь.

Ни вздоха тяжкого.
Ни мщенья.
И ни желанья говорить.
Одно лишь женское прощенье
былых и будущих обид.

Куда ж всё это нынче делось?
И море бурное – по мне.
И в чёрном взгляде –
только дерзость,
таившаяся в глубине.

От чувств смиренных нет и крохи,
способных только извинять.
И этот гул морской
и грохот
 как будто рвутся
 из меня.

1969

* * *

Мне казалось, что тебя я знала,
что ты чист, как по утрам роса.
Оттого и весело шагала
по лесу, куда глядят глаза.

Ты хранил молчание такое,
будто шёл великое творить,
будто нёс ты слово золотое,
чтобы мне на память подарить.

Лес передо мной, как сновиденье,
щебетал, бросал к ногам цветы.
Пряча за деревьями волненье,
я ждала, ждала, что скажешь ты.

Задышал в лицо:
«...не отрицаю – грешник...
Будь обыкновенною со мной...»
Между нами загудел орешник
непреодолимою стеной.

За кустом синица голосила,
а сороки рассыпали смех...
Горько!
Я случайно раскусила
с червоточинной орех.

1967

* * *

Опустите занавеску!
Отойдите от окна!
Не в отместку, не в отместку
на закат смотрю одна.

Рядом вас и нет в помине.
Но и головокруженья нет.
Где восход сиял поныне,
ныне от заката свет

переходит в цвет лиловый
и ползёт, стекая в ночь...
И воскреснуть вновь быломu –
ни дыханием, ни словом,
ни мольбою – не помочь.

14.11.2010

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЛЮБВИ

Ни лица у ней пока, ни имени.
То пройдёт голубем по крыше,
то над речкой встрепенётся ивою
и негромко девочку поκληчет.

И совсем негаданно, непрошено
душу обожжёт тревожной болью,
потому что каждому положено
от рожденья встретиться с любовью –

тою, что не станешь разбазаривать
на земных дорогах перепутанных.
Кто же разбазаривает зарево
зари заветной, самой утренней?

Или просит, словно подаяния,
голову вобрав стыдливо в плечи?..
Машет девочка рукой мне:
– До Свидания!
Я шепчу ей вслед:
– Счастливой Встречи!

1980-е

* * *

На Руси, на Руси –
белый снег по пояс.
На рыси, на рыси –
свадебный поезд.

Сбруя – словно повитель.
А кони – игривы.
То ль по улице – метель,
то ли это – гривы.

Знал кузнец, как подковал:
не удержишь сытых...
А баян из рукава
серебро просыпал.

И с размаху тишина –
прямо под копыта.
Кажется, что вся страна
пляшет, с толку сбита.

И у церкви, у берёз
присмирели кони...
Свадьбу встретил Сам Христос,
окрестил с иконы,

Свет Божественный даря –
замершим у алтаря –

жениху с невестой,
чтоб навек быть вместе.

Дорогому с дорогой
надевают кольца...
Вновь – дорога. Под дугой –
звоны колокольцев.

Вновь далече-далеко
нянчат песню девки.
Вновь за реченькой-рекой
рвётся пламень с древка.

А за ним другой летит,
третий, словно вехи,
чтоб не сбиться им с пути
в нашем трудном веке.

1960–1970-е, 2012

* * *

Не торопись, пожалуйста, постой!
Минуты наших встреч – не часты.
Летит листва, как ливень золотой.
Не так ли пролетает мимо счастье...

Не торопись! Мы, наконец, вдвоём.
Да разве вот осинник редкий.
Оброним взгляд нечаянно, вздохнём, –
и за спиной внезапно вздрогнет ветка.

И пробежит по всем осинкам дрожь.
Не успокоить их. Да и не надо.
Летит листва наискосок, как дождь.
И солнечно. И я так рада

твой голос слышать. Полон он родства
с настроем осени. В нём те же звуки.
Летит безжалостно, безудержно листва
сквозь ветви,
сквозь лучи,
сквозь наши руки.

1974

* * *

Было. Есть. Будет так. Снег за окнами матов.
И куда мне смотреть: то ль в окно, то ль в себя?
Я всегда не в ладу с этим месяцем мартом,
чашу вешних лучей от него пригубя.

Разве можно, испив, за стеною укрыться?
Сил не хватит унять неизбывной тоски.
Выйду к Сетуни. Пахнет округа корицей.
И дыханье живое ласкает виски.

Нежный свет с высоты задарма не обронен.
Каждой твари вверху по бессмертной звезде...
Что творится со мной, то творится с вороной.
Вот она грациозно подходит к воде.

Силы жаркие в теле разбужены юном.
Не посмею мешать. Неподвижно стою.
То потрогает лапой, то попробует клювом
ледяную, бегущую мимо, струю.

Обновления миг. Быть нельзя некрасивой.
Стать красивой даже ворона вольна.
И крылами по волнам ударила с силой,
окунулась, пылью окуталась синей,
распрявилась и синей стала она.

И на берег красавицей первую вышла,
вся в сиянье, в ознобе, в горячем пылу.
Отряхнула наряд. Перед солнцем всевышним
уложила перо голубое к перу.

От живого к живому протянуты нити.
Всё свершила. Сполна развернула свой дар.
Побежала. Взлетела. Помчалась к раките,
где возлюбленный жадно за ней наблюдал.

1999–2000

* * *

Однажды глянуть так в глаза,
что свет вдруг покачнётся белый.
И отступить уже нельзя,
и с берегом сойдётся берег.

И двое – на одной черте,
прочерченной самой судьбою...
Прекрасные мгновенья те
лишь оттеняют пламень боли.

И дом далёк твой, словно мыс
с заснеженными берегами.
И не утешит вовсе мысль,
что мы расстались не врагами.

И, может быть, как я, и ты,
уткнувшись в перекрестье рамы,
глядишь в пространство темноты,
и брови сдвинуты углами.

Природа мудрая проста:
перетолчёт все боли в ступе...
И в наших окнах два креста
ещё отчётливей проступят.

1995

* * *

Л.Н. Саницкой

Мобильники зовут, свистят, галдят
повсюду: на Камчатке, на Афоне...
А я свой останавливаю взгляд
на стареньком, невзрачном телефоне.

Он большей частью спать привык.
Но держится всем существом за провод.
Я тихо говорю ему: «Старик,
лишь ты способен утолить мой голод.

Проснись!» Как от испуга, вздрогнет он,
с натугой прохрипит, о службе беспокоясь.
Старик преобразится в телефон.
И я услышу так знакомый голос.

Прервёт он глухоты тяжёлый пласт,
явившись с позабытого простора.
И свежим воздухом меня обдаст.
И я замру, я слушать буду стоя.

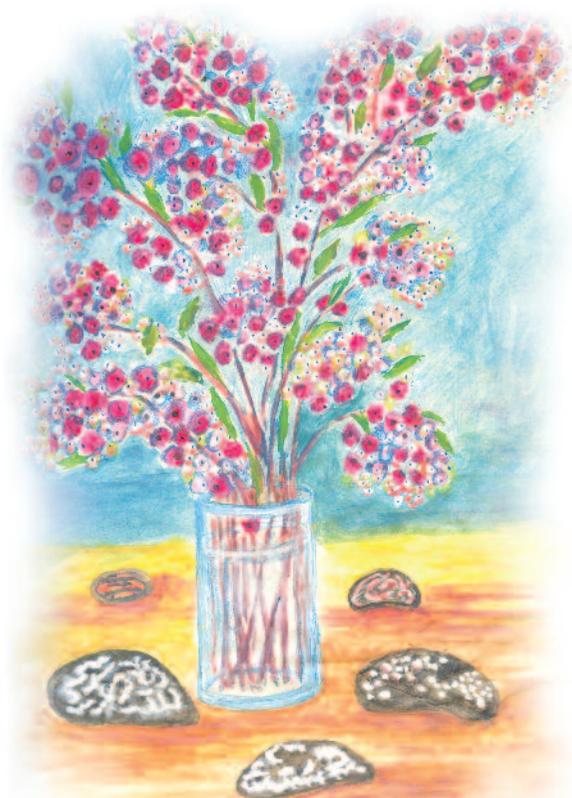
Со мною всколыхнётся мой уют.
Ни одного мы не пропустим мига.
Услышим: все поэты живы и поют —
кто громогласно, кто посдержанней, кто тихо.

Услышим, что духовный зреет урожай,
чтоб у людей была другая пища:
не та, когда – хоть за Можай, –
но в шопинг, где потребу ищем...

Я долго ещё буду вспоминать
лицо, похожее на незабудку.
И, тишиной объятая, вновь ждать
звонка. И медлить,
и не класть на место трубку.

2014

* * *

Вот и к синим глазам не припасть, не напиться.
Как в песках раскалённых, в жильё моём зной.
И крестом распластавшимся чёрная птица
неотступно и долго висит надо мной.

Мне от страха за твой ухватиться бы локоть.
Только где он?.. И я притворяюсь, что сплю.
А на голову сыплется, сыплется клёкот:
– Я тебя не люблю! Не люблю! Не люблю!..

Никуда не уйти мне от этого звона.
Распахнуть бы окно. Уплывает окно...
Неужели с той чистой и нежной ладони
ты, проклятая птица, клевала зерно?..

Я тебя не ждала. Я совсем безоружна.
Не привстану – и крылья не обрублю.
Мне молчать бы. Ни стоны, ни плача не нужно.
Да вот плачу и всё повторяю:
– Люблю!..

1972

* * *

Как ладно выстроен был наш с тобою мост:
за жердью – жердь, а по бокам – перила.
И краток путь мой был к тебе, и прост.
И я не шла к тебе по мостику – парила.

Как ладно нам мечталось на мосту!
Молчалось ладно. Ладно говорилось.
От наших глаз горячих на версту
цвело вокруг всё, пело и светилось.

И знал об этом разве только Бог.
Никто другой не ведал и не видел.
Ни взгляд, ни жест наш и ни даже вздох
ни разу тайны никому не выдал.

Но мы – не боги, что смеются над людьми.
Нам всё людское дорого и близко.
Когда сгорают двое от любви,
их всё же выдают и губят искры.

Они над нами взвились выше звёзд
и в огнедышащего превратились змея.
Горит любовью выстроенный мост,
питая любопытство ротозея.

Ничья беды не отведёт рука.
Стоим на разных берегах – две жертвы.
И смотрим, как багровая река
уносит прочь обугленные жерди.

1970–1975

* * *

Себя спрошу: «За что люблю?»
И, уронив лицо в ладони,
из светлых грёз его леплю...
Но почему бездомно в доме?

Зачем из наших редких встреч
вослед летят седые вьюги:
и не расслышать нашу речь,
не посмотреть в глаза друг другу?..

Но мысли, но мечты – о нём,
и вопль души, объятай болью,
и ночь перемешалась с днём...
И кто сей ад назвал любовью?

04.08.1974

* * *

Остепениться,
охладеть,
остыть.
Забыть без боли и без сожаленья.
Теперь я знаю, что такое стыд
и тяжкие минуты униженья.

Прими меня, привычный мой обоз:
работа, дом и домочадцы.
Я в храме белокаменном берёз
тайком от вас хотела обвенчаться.

Стою, лицо ладонями закрыв:
там, где, казалось мне, светло и мирно,
в себе таила неизбежный взрыв
до времени замедленная мина.

Она меня как раз и дождалась.
Она глазами синими глядела.
О, эта всежигающая страсть
над разумом,
над чувствами,
над телом!..

1970

* * *

Н.П. Филатовой
(По мотивам лесных фотоэтюдов)

Кого-то не заманить калачом...
Кого-то – не вывернуть наизнанку...
С корзинкой плетёной через плечо
к ближайшему лесу спешу спозаранку.

Вдали электрички сверкнула стрела.
Пролетел самолёт сквозь облачко пулей...
А где-то опята растут вдоль ствола,
устоять не сумевшего перед бурей.

Утопает в мягком настиле нога.
И дятел, как сторож, стучит колотушкой.
Здесь заблудившихся баба Яга –
говорят – зазывала в свою избушку.

Если верить, прислушиваясь к векам,
по этим местам пронеслись печенегии...
Но меня – за спиной, впереди, по бокам –
оберегают невидимые береги.

И почему-то спокойно-спокойно мне.
По кустам разбежались мои печали.
Сажу на старом-престаром пне
и крепким себя услаждаю чаем.

Отдыхает корзинка рядом – у ног.
Колеблется луч, по сосне сбегая.
Высоко-высоко надо мною – Бог.
Лес вокруг – со своими богами.

Повседневье в глаза не пускает пыль.
К тишине прикоснуться могу губами.
И в корзинке лесная таится быль –
перемешанная с грибами.

2015

* * *

...А думы о тебе всё горячей.
Сижу, колени обхватив руками,
одна на диком и замшелом камне.
Да возле ног бежит себе ручей,

просвеченный насквозь и вширь, и вглубь
до камешка, до самой малой рыбки
и до моей до белозубой
с губ
оброненной нечаянно улыбки.

Издревле, думается, мне знаком
его восторженный и щедрый лепет.
Перебирая струйки языком,
он слово о тебе –
единственное –
лепит.

О, не колеблясь, кажется, отдашь
по капле кровь свою за это слово...
В который раз гранёный карандаш
уже о белый лист бумаги сломан.

И падает в бессилье голова.
Не те, не те, в сравнении с тобою,
спешат ко мне наперебой слова
ненужной и бессмысленной толпою.

Но если, вспоминая обо мне,
в стихи заглянешь, –
как в ручье том зыбком,
засветится меж строчек в глубине
оброненная в думах о тебе
улыбка.

1971

* * *

Редко, очень редко,
как ни странно мне,
бывают праздники
не календарные.

Приходишь ты
в мои хоромы,
где тихо,
как на похоронах.

Глаза твои
с таким доверием
по комнатам летают,
словно голуби,
хоронят все мои
печали древние
и кружат голову.

И я, такая непорочная,
«почти иконная»,
не устояв перед полночными
перед законами,
наперекор святому алтарю,
их зёрнами
греховными кормлю.

1960-е

* * *

Преодолеть. Себя не выдать.
Считать, что ты – мой давний сон...
Присесть на стул – и вдруг увидеть,
что он, как лебедь, – телефон.

Как лебедь, смиренный и учёный,
грустит на краешке стола.
Дугу не выгнет шеей чёрной,
не вскинет веером крыла.

Смежив устало веки, дремлет.
И одиноко нам вдвоём.
Что видит он во сне? Деревья,
и луч, упавший в водоём,

и листьев непонятный лепет,
и синей стрекозы полёт,
и белую богиню-лебедь,
которая к нему плывёт.

Плывёт навстречу, хорошея.
Спустившись облачком с высот,
то стелет над водою шею,
то всю себя легко несёт.

Горит над ней, необручѐнной,
в лучах вечерних пара крыл...
И встрепенулся лебедь чѐрный,
и задрожал, и затрубил.

Трубит возвышенно и гордо,
желая жизни – не мечты.
Мне больно брать его за горло,
но слишком чувствую, что – ты...

1969

* * *

В простом быту моём столичном,
где зданья проглотили синеву,
воистину я духом земляничным
всё это лето жаркое живу.

Меня подхватит век наш умный утром –
и мне, и веку будет мало дня...
И всё-таки священные минуты
не выкрасть, не похитить у меня.

Напропалую будет мчаться город,
по улицам без устали трубя.
И, как волной, меня окатит голод –
невыносимо станет без тебя.

И я побег сама себе устрою
туда, где речки быстрая струя,
где на пригорке травянистом – трое:
наш друг давнишний – тополь, ты и я.

1979

* * *

*П.Н. Шлыгину (По мотивам книги
фотопутешествия «Кольцо Алтая»)*

Когда вдали зардеет утро,
отряд уйдёт, укрытый мглой,
надеюсь, не было б Вам трудно
в пути – с одиннадцатой – мной.

Я тоже б – следом за десятым –
в гранит вгрызалась и ползла,
в единой связке, как с десантом,
попутешествовать смогла,

стараясь не отстать ни разу,
с тропинки горной не свернуть, –
чтоб собственным увидеть глазом
тот «Шёлковый Великий путь».

Увидеть, как над бездной коршун
замрёт, сливаясь с синевой:
и ни волнения, ни дрожи,
и крыл распластанных покой.

Иль водопад вдруг прогрохочет,
играя брызгами, сверкнёт...
По склонам, по холмам горошек
перед глазами расцветёт.

Янтарный, розовый, пасхальный –
насквозь в лучах качнётся свет...
Но ждал олений зов наскальный
нас впереди пять тысяч лет...

Я воду от жары со всеми
пила б из ледяных ручьёв.
И у костра – среди веселья –
сидела б – тихой и ручной.

Но промелькнут аилы, юрты,
и, как волною, смоют сон.
Нафантазирует вновь утро
Катуни гул, скал перезвон...

.....

Но жизнь перечеркнёт интригу...
Поэтов – встреча! Речь и звук!
«Кольцо Алтая»!.. Эту книгу
приму из щедрых Ваших рук.

Что долго у богов просила, –
свершится росчерком одним!..
Создатель красоты, спасибо!
Алтай – со мной теперь, я – с ним!

2015–2016

ДОЖДЬ

Я вечность целую ждала мой дождь,
искала в красках, в музыке и в воске.
И вот он, гром, уже гремит, как вождь
перед своим, идущим на смерть войском.

И падают на землю деревья,
и вновь встают, счастливые, с коленей.
И прорываются сквозь ветви их слова,
округлые, как яблоки:
– Скорее!

– Скорей! –
плывёт, как Ярославны плач,
протяжный, долгий, со стены Путивля...
Услышан плач. Пришёл ты. Сбросил плащ.
Пришёл ко мне тем благодатным ливнем,
который обойти не смог жнивье,
где одинокий дозревает колос...
И пьёт моё пустынное жильё
пусть запоздалый,
но такой желанный голос.

1973

* * *

Не веришь, что, безумствуя, люблю.
Дурачество идёт от одиночества...
По твоему неверию не плачу, но скорблю.
По имени опять зову и отчеству.

Ты говоришь: о чувствах не кричат.
Слова им не нужны, они расскажут сами,
как не сорвать с кричащих уст печать,
как не прикрыться ни бессонницей, ни снами.

Но для успокоенья нужен срок.
Шторма проходят, опадают волны...
Проглатывая с горечью урок –
бескрылая – замрёшь в одежде вольной.

Но не взлетишь, как прежде, побредёшь...
Разочарования наступят после.
Неважно, снег ли валит сверху, или дождь, –
смотреть на жизнь придётся проще!

2014

* * *

Ты перед зеркалом – как повелось.
На столике – тени, помада, пудра.
Лучами первыми пряди волос
осторожно трогает раннее утро.

Но тебя ещё держит в объятьях ночь,
мужскими притягивая руками.
И сколько голову себе не морочь –
продолжает длиться её сверканье.

Подошла к окошку, оторопев:
ещё слышится в воздухе, непрогретом,
этой коротенькой песни припев,
самим себе спетой дуэтом.

Она растворится в пределах комет.
И её уже не вернуть обратно...
Но на теле твоём не осталось мест,
не исцелованных им стократно.

2015

* * *

Вы были, вы были, герои мои!
Господи, вы же ведь были!
Господи, Боже! – моли не моли –
превратились в былины те были.

И как бы ни встретили нас времена,
молодость – в вечном расцвете.
Господи, как вы любили меня!
Я перед вами в ответе.

Куда бы вас не занесло,
где бы вас не приютили,
дай, Боже, вам в руки весло,
в дороге – попутные штили.

Надеюсь, что любите жён
с притихшей и нежною болью.
Надеюсь, что каждый из вас окружён
взаимной, земною любовью.

Среди вездесущей молвы,
и ненависти, и участия –
вы были, вы были, герои мои!
Какое ж мне выпало счастье!

1987

ТРУБКА

Всего ведь трубка, только трубка
попалась под руку в столе...
Себе припомнилась я хрупкой,
почти прозрачной, на земле,

как та над вздрогнувшей травинкой
распахнутая стрекоза.
И смех мой, смех мой на тропинках.
И нечего ещё сказать.

И не живу, скорей играю,
не отрываясь от родни...
Какие там они нагрывают —
самостоятельные дни,

зовущие, как в океане
цепочка тонкая Курил?..
Но демон, демон окаянный
уже там трубку закурил.

Уже дымит он, поджидая
меня, задумчив и один.
И голова его седая —
всё тот же дым, всё тот же дым.

И тянет горечью от дыма.
И горизонт, словно в чаду.
И я туда неотвратимо,
дыханье затаив, иду.

Как заклинанье, повторяю
и среди ночи, и среди дня:
«Не может ада быть без рая,
а дыма, значит, без огня...»

И руки просят согреться
у собственного очага.
Ищу огня, ищу я сердца.
Но оступается нога.

И душит дым в своих объятьях.
И в горле – дым. И дым – в груди.
И не найти пути обратно.
И нет просвета впереди.

И только эта, как пучина,
удушливая полоса...
Но где-то, еле различимы,
людские брезжут голоса.

Спешу, себя доверив звукам,
как на спасительный огонь.
Вперёд протягиваю руки
и чью-то чувствую ладонь.

И чувствую, как дым слетает
с меня и отступает жуть.
Словно прозревшая слепая,
на солнце заново гляжу.

Дышу и радостно, и трудно,
как будто прожито сто лет...
Всего ведь трубка, только трубка
попалась под руку в столе.

1980-е

ОСТРОВ ПЕСЕН

Когда на землю тишина
сойдёт, я ощущаю остро:
он существует – этот остров,
который я открыть должна.

Пока оттуда пушки не палят,
и он лежит, необитаем,
в туманы погружённый, словно в тайны.
К нему плыву – который год подряд.

Ветра секут и вкривь, и вкось меня.
И на дыбы встают, как звери, льдины.
Но край, необжитой и нелюдимый,
влечёт к себе, за горизонт маня.

И взгляд – вдали. И козырьком – ладонь.
Наверно, так глядел когда-то Беринг...
Однажды я сбегу на дикий берег
и жаркий разожгу на нём огонь.

Дымок потянет к небу голубой.
Как льдина, тишина внезапно треснет,
когда мои разбуженные песни
на остров высыпят гурьбой.

Молчавшие упорно до поры,
меня всю выскажут светло, разноголосо.
Поднимут, чтобы строить, топоры.
Растопят лёд, чтоб напоить колосья.

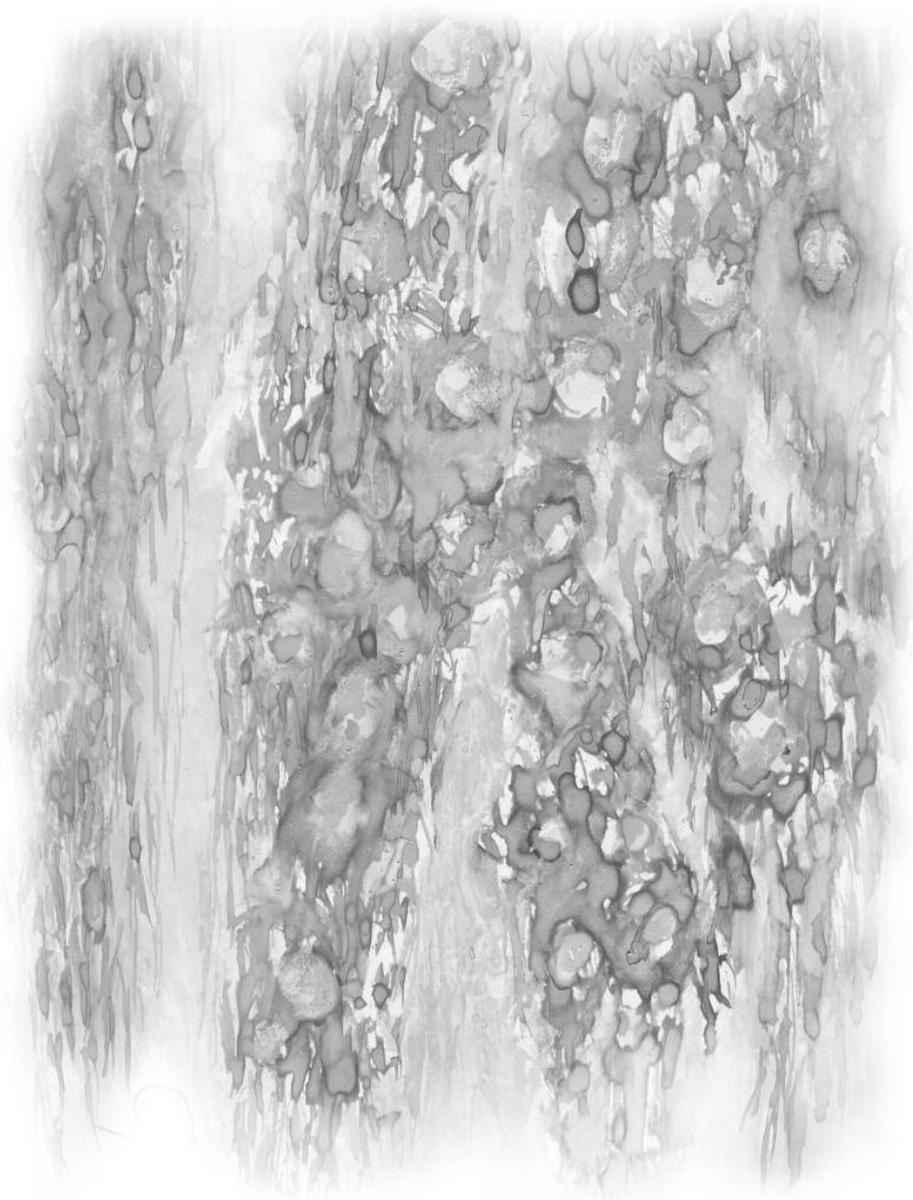
И развернут, как радугу, под небом флаг.
И сразу в мире станет больше света.
Ему навстречу, сделав первый шаг,
обрадуется друг такому цвету.

Мне дальше плыть. Куда? Не всё ль равно.
Живут цветы. Жива покуда плесень...
Где раньше было белое пятно,
товарищи напишут: «Остров песен».

1977

*Созрели яблоки в саду
четверостишия*

* * *

Неслась – неведомо куда – во весь пыл.
Споткнулась. Привстала. Стряхнула пыль.
Оглянулась: исчезла в мареве рать...
Пора мысли по камушкам собирать.

* * *

Деревья, как люди, тянутся к нам:
солнечны ль, снегом укрыты...
И мы окликаем их по именам:
Клёны, Калины, Ракиты!..

* * *

Незабываемые дни!
До облаков – полёт качели!
И пеньё иволги – сродни
игре на виолончели!

* * *

Налетели, клюют врассыпную корочки...
Замерев, созерцай, зри и зрей:
то ли голубка белая, то ли облачко
приземлилось среди сизарей.

* * *

Звёзды сияют в пылании алом.
И нету предела покою...
Усни! Тебя я не одеялом –
нежностью женской укрою.

* * *

Сад засверкал по-иному и ожил.
Радости нашей зашкалил накал.
В тенёчке под вишенкой крошечный ёжик
молочко из лоточка с причмоком лакал.

* * *

И без них можно жить, быть довольной вполне
и на трудные не отвечать вопросы.
Но являются образы ночью ко мне
и жизнь подарить им настойчиво просят.

* * *

Если в полночь встать и глянуть в окно –
в нём много разлито спокойного неба.
Бог птишкам по небу рассыпал пшено,
нам оставил узенький ломтик хлеба.

* * *

Не хочу и минуты – во всём – дешёвой,
мне нравится больше, – чтобы с трудом, –
когда боль вытаскиваешь из бездны душевной,
совершенно не думая, что будет потом.

* * *

У пера моё слово – на кончике.
От слова до строчки – невидима нить.
Переводчику, как перевозчику,
два берега надо соединить.

* * *

По коже – озноб ли, мурашки, –
не считаясь ни с чем, по затишью,
как перед штормом по морю барашки,
несутся, чтобы упасть на бумажки
передо мною четверостишья.

* * *

Перемешала с судьбой стихи я:
не спрятаться за калиточкой, за воротцем.
Такая подмяла меня стихия:
сил не хватает – с нею бороться.

* * *

Спотыкаясь, в лугах петляет,
вовсю ручеёк спешит,
сверкает в лучах, не знает,
куда и зачем бежит.

* * *

А мир не таким уж покажется шатким,
если попристальней поглядишь:
в комбинезончике синем, опрятном,
оттолкнувшись ладошкой от лошадки,
словно по Марсу, по детской площадке
свой первый шагок совершает малыш.

* * *

Разложила перед собой соображенья.
Сообразила: незримо мешает узда.
Нужна чёткая линия передвиженья.
Соображение оборвалось, усмехнувшись: куда?

* * *

Жалоба Гришки Глухаря

Маши вслед рукой, не маши –
разлетелись мои корешки.
Ну, а ты в глухоманной глуши
самогон с глухарями глуши.

* * *

Когда в садовой тени – погружённые в сон –
задены коленками листья хрена,
невольно вспомнится сгорбленная колесом,
жившая на отшибе, бабушка Хреня.

* * *

1

Две старухи,
две старухи,
получив по оплеухе
в перепалке меж собой,
наконец-то замолчали,
с посошками, как с мечами,
разошлись, покинув бой.

2

И теперь поодиночке
за столом выводят строчки,
не сгорая от стыда,
хоть у муз самих на службе.
И от их столетней дружбы
не осталось ни следа.

1994

* * *

Поначалу в груди моей ёкнуло.
Погасила – в мгновение ока – свет.
Подошла поближе: за окнами –
готовую принять оборону –
увидела заблудившуюся ворону –
давно опознанный мной объект.

* * *

А он пришёл с поллитрою
и на груди с крестом.
А я стою с палитрою
и кистью пред холстом.

* * *

Конечно, конечно, бежим и торопимся,
не ставим под обещаньями подписи...
Даже когда очи гаснут под веждами,
душа продолжает питаться надеждами.

* * *

Чудо свершится иль нет – как знать?
Но на какую надо взобраться вышку,
чтобы рукою до неба достать
и от Бога принять коврижку?

* * *

Скрылась Луна за домами – бездомная, –
мысли мои за собой маня...
Небо таинственное, бездонное,
как магнитом, притягивает меня.

* * *

То взорвусь, а то промолчу.
Где ступенькою выше ступаю, где ниже...
Но самое главное, что ничью
не занимаю нишу.

* * *

Кланяюсь в ноги ваятелю, воину
за преданность делу, за доблесть, за честь...
А мои старания каждый по-своему
оценит: что есть у меня, то – есть.

* * *

Не трогайте, – с верой её и тайною, –
Красную площадь – исконную пядь!
Её нам в наследство предки оставили.
С неё нам Историю обозревать.

* * *

Из-под руки посмотришь, ширь боготворя:
забрешат в сизой дымке «Три Богатыря».
Забьётся сердце чаще, подступит радость-грусть.
– О, Русь неотразимая! – само сорвётся с уст.

* * *

Душу мою, как снегом, тоской занесло,
по просторам бескрайним – изгрызло голодом.
Она зависла в воздухе, как НЛЮ,
между деревней и городом.

* * *

Усталость – а не как думают – лень,
отпустила, стряхнув с себя тяжесть недуга.
Наконец, распрямились, поднявшись с колен,
на площади вышли – взглянуть друг на друга.

* * *

Водолейка я, водолейка.
Водолея стихии – верная дочь.
Вечно в руках – то ведёрко, то лейка:
умыть, напоить, окропить – помочь.

* * *

Понимаю: впереди – Божий суд.
Ступаю медленно, еле дыша.
Несу себя, как хрустальный сосуд.
Боюсь уронить: в нём трепещет душа.

* * *

Вот он – госпиталь – номер один:
слуга Гиппократ и мой господин.
Не вхожу в его стены – вползаю.
Возвращусь ли обратно? Не знаю.

* * *

Опять, наверно, не усну.
Глядишь, талантами блесну.
Взойду на свой родной Олимп
среди густых берёз и лип.

* * *

Проглядели, проглядели
у калитки двух газелей.
Оборвав пугливый бег,
они просились на ночлег.

* * *

1

Ушли. Не вернутся подруги.
Оплакала. Видимо – рок...
Подтянула потуже подпруги,
не ведая, на какой срок.

2

Нечего мозги травить и морочить.
Преподан на выдержку мне урок!
За них и за себя из всей мочи
перечёркиваю дни и ночи
и вдоль, и поперёк.

* * *

Что, отпетые параноики,
из всех дыр сквозняковых ноете?
Всё вам мало, мало и мало.
Видно, жизнь маловато мяла.

* * *

Оставил презренный вакуум,
на трибуну, толкаясь локтями, залез.
И славы – призрачной, лакомой –
слизнул языком и исчез.

* * *

Не спеша пожить и попроще,
не знать повседневно клыкастую пасть,
из каменных дебрей щербатых в рощу
свернуть и в объятых зелёных пропасть...

* * *

По июльской лесной аллее,
между шеренгами древних лип,
шла навстречу Ему – чуть левее –
Богиня... Остановил её. Влип.

* * *

Я отношусь к той породе,
для которой – что миллион, что грош...
Иногда мне нравится произносить, вроде:
брешь, беж, блажь, брошь...

* * *

Закружилась голова на повороте,
хорошо, что не свалил на землю шок...
В молодца влюбилась? Не поймёте.
Юность хмелем обдала «на посошок».

* * *

Встать с трудом спозаранку, –
по сусекам искать корма,
подобно в траве подранку,
не в силах раскрыть крыла.

* * *

Упоительны, упоительны
подмосковные вечера.
Как признаться мне ни мучительно,
упоительны, но – вчера.

* * *

В косынке воздушной, газовой
подружка моя сероглазая –
из незабвенной поры –
бежит и бежит с горы.

* * *

Ребёнок сказал и забавно, и круто:
– Когда спят в домах и деревья тихи,
всю ночь хомячок мой колёсико крутит,
а бабушка Нина кропает стихи.

* * *

Кипятится, спорит сей эрудит,
лезет из кожи в бутылку.
Смотрю: задыхаясь, в бутылке сидит
и не может выползти – эрудит –
из бутылки обратно сквозь дырку.

* * *

Появился у нас на столе арбуз.
Мы все улыбнулись, на стульях сидя.
Но кто-то снял со стены картуз,
надел на арбуз. Он сказал: «Спасибо!»

* * *

Письма, письма – беззвучные речи:
прижаться к щеке иль к плечу нельзя.
Не заменить им друг с другом встречи:
сердца – в унисон и глаза – в глаза.

* * *

Всё у меня найдётся...
Вся я – подобна прибору...
Когда мне ещё придётся
рядом побыть с тобою?!

* * *

При мне ещё есть отсрочки.
Покуда горю – не тлею,
позволь – хоть однажды – в строчке
твой образ запечатлею.

* * *

Где у речки маячит вербочка
и над ней – океан-небосвод,
примостилась на ветке девочка,
ноги свесила и поёт.

* * *

Я тоже попала в сеть,
как в море далёком сельдь.
Присела к столу, в охотку
накинулась на селёдку.

* * *

Волга. Теплоход. Явь – не приснилось:
мельтешенье над палубой божьих коровок.
Мальчишка кричит:
– Сколько тут их скопилось
на припёке – целый божий коровник.

* * *

Над полями воздух пронзают лучи.
Поглядишь: приметы весны типичные –
за трактором важные ходят грачи –
делегацией заграничною.

* * *

Проснусь. Поспешу в пробудившийся сад.
Там подарки от Бога на ветках висят.
И глазам не поверю: ужели не сон –
на небе – одно, а в саду сотни солнц.

* * *

Бегайте по корту с ракетками,
бросайтесь к любимым, срывая рубашки!
Но не трясите друг перед другом ракетками:
это же вам – не казацкие шашки.

* * *

Одуванчики перед глазами, одуванчики...
Рыжеголовая лужайка и покой.
Но в Москве, валяясь на диванчике,
не погладишь одуванчики рукой.

* * *

Ночь. Который час не сплю:
пером, склонившись над столом, кроплю.
Луна, как школьница, через плечо украдкой
заглядывает, не стыдясь, в тетрадку.

* * *

В стаканы булькала настойка.
Играли в карты. Дрались короли.
Хозяин скошен был настолько,
что сполз под стол... Хозяйку увели.

* * *

До сих пор продолжаю слышать вопросы:
– Где – до самых колен – твои косы?
Отвечаю с отчаянием в очах:
– Остались у молодости на плечах.

* * *

Опять пожиная фантазии лавры:
окно у меня – как экран.
Над деревьями шея торчит динозавра.
Присмотрелась – подъёмный кран.

* * *

Ах, бормотуха, бормотуха:
что-то тут приятно, заодно и тухло.
Черпают в стаканы прямо из кадушки.
Вряд ли доберутся после до подушки.

* * *

Мне не надо твоих закавык.
У меня – свои закавыки.
Ты ходить королём привык.
Не получилось, – чтоб лыко в лыко.

* * *

Как по морю, по небу бездонному
плывёт воздушный корабль на Ямал.
Внизу, на земле, двое машут ладонями:
один – слишком стар, другой – слишком мал.

* * *

В сторонку время отойдёт.
И землю надо мною вспашут...
И тишь... Покой... Но идиот
однажды тишину взорвёт:
бутылку опрокинет в рот,
перед оградкой спяну спляшет.

* * *

Взметая зенки к потолку,
ты гонишь за строкой строку.
Строчи в азарте, графомань!
Всё ж лучше, чем на кухне брань.

* * *

Олимпийский огонь стал вчерашним днём.
А у жизни – свои протуберанцы.
Но едва прищурюсь, в жилище моём
забрезжит чёрный квадрат – на нём:
белые лебеди кружатся в танце.

* * *

Параллельно неслись, параллельно.
Только ветры да крыш верхи...
Но меж параллелями – богомолельня,
в которой сошлись – отмолить грехи.

* * *

Сколько тайн в себе жизнь таит?!
К поездам спешат – по делам – рекою...
Людам, арию спев, стоит
Муза, с просящею рукою.

* * *

Туман над разумом не навис:
я знаю точно – ты не икона.
Любовь твоя и ненависть –
в одном флаконе.

* * *

Ты выпорхнула из-под стрехи,
мечтая со стаей певчей слиться
и с надеждой – такие родить стихи,
на которые можно молиться.

* * *

Конечно же, Ваше Высочество,
чтобы Вы прибыли, хочется.
Но Вы не пришли, не приехали, —
от нас унесённые ветрами.

* * *

Наконец, до надежды до́жили:
петушок вдали кукарекает.
Понимаем, что это — к дождику,
по жаре несусветной — реквием.

* * *

У того зубы давным-давно выпали.
А тот искривился, как старый ствол.
Но собрались за столом и выпили
за то, чтоб подснежник в душе расцвёл.

* * *

О, вино терпкое — с Алазани!
Пью с искрящимися глазами.
Вспоминаю горную Грузию,
где ходила в обнимку с Музойю.

* * *

Вот удивили — сморозили:
двадцать первое сентября —
цветут колокольчики под смородиной —
краше злата и серебра.

* * *

Но всё же, и всё же, и всё же:
Господь непременно поможет.
О стену не бейся, не плачь, не рыдай!
Перо из опущенных рук не роняй!

* * *

Счастье такое могло лишь присниться:
проступило лицо сквозь другие лица.
Потянулась к нему, чтоб прикоснуться.
Не хватило мига – надо ж проснуться?!

* * *

У тебя написано даже на лбу, –
что не станем друг другу ближе.
А я так безрассудно люблю,
что себя за любовь ненавижу.

* * *

Посмотри, как леса бессмысленно губим,
над собой губим белые облака...
На колени опустимся и пригубим
водицы живой ещё – из родника.

* * *

Графоманы, графоманы,
говорю без всякого обмана,
как многопишущая графоманка:
чем меньше пишете – выше планка.

* * *

1

Стул. Стол. Семнадцатое октября.
И в вазе на столе – три белых розы.
Хрусталь сверкает, воду серебря.
Одна. Покой. И никакой угрозы.

2

Очаг мой одинок. Он тих и мил.
В окно листок влетел с берёзы.
А как вокруг бушует мир...
Какие страсти, кровь и слёзы...

* * *

Симпатично, очень симпатично:
перекличка в перелеске птичья.
Замерла. Едва дыша, стою.
И боюсь, что тоже запою.

* * *

Страшусь подумать о Мавроди.
Он в жизни – наважденья вроде.
Устроил «пирамидный бал».
На «бал» – пришедших – ободрал.

* * *

Копилось всякое во мне.
Пишу то грустно, то жемчужно.
Хочу, чтоб приняли во вне...
Но никому это не нужно.

* * *

Ему хватило пяти мгновений,
чтоб олений прервать полёт.
Увидел бы он, как на колени
она упала и с горя ревет.

* * *

В отчаянье за голову взялась:
куда ступить – сплошная грязь.
А мальчику смешно и весело
на велике врезаться в месиво.

* * *

Мы с тобой давно не динозавры.
И в дали нам не маячат лавры.
Давай забудем попросту об этом.
Труд и бессонница – ваятели поэтов.

* * *

Без ответов – одни вопросы
распирают жильё моё тесное.
Выхожу: по саду носятся осы,
словно войско Петрово – потешное.

* * *

На Юго-Востоке – снарядов вой.
Не помраченье ль мозгов и вывих?..
Мужчины, сделайте так, чтоб не было войн.
Сделайте – для своих любимых.

* * *

За душу здорово взяло!
И никакой тут мистики.
За окнами белым-белым-бело.
На белом – три кленовых листика.

* * *

Песни! Какие нежные песни
плавают в поднебесье!
Купаются в росных травах,
по весям разносятся вести,
что на кольца венчальные перстни
меняют влюблённые в храмах.

* * *

Всё реже снежинок полёт, кутерьма.
Утихомирились вьюги, метели.
Не плачет – рыдает всю зиму:
не капли текут по щекам – капли.

* * *

Уже не имеют значенья
ни наставленья, ни поученья.
Отцвело, отпылало, прожѣто,
отколосилось, как в поле жито.

* * *

Жить начав, в уме,
конечно же, имели
не сухари – в суме,
а к чаю – карамели.

* * *

Бывает, слушаешь и обалдеешь.
Захочется крикнуть: подумай, что сеешь.
Летят твои вымыслы в душу эпохи,
как чёрные зёрна чертополоха.

* * *

«Выходила на́ берег Катюша...»
Свет с горы той не потушен.
И, надеюсь, не погаснет,
потому что – не напрасно.

* * *

Небесный, Заоблачный и Всевышний,
другими из храма мы только что вышли.
Помоги и смирение, и чистоту
пронести сквозь неверие и пустоту.

* * *

С мячиком носятся дети, с клюкой.
Не ведают: жизнь впереди – какова?
Однажды замрут, её тронут рукой
и станут засучивать рукава.

* * *

Если глядеть в одну точку,
увидишь нежданную строчку.
Она одолела тыщи преград,
чтобы попала в тетрадь.

* * *

На цыпочках ходит ветер.
Отказано тучам в визах.
Уснули в кроватках дети.
Голуби – на карнизах.

* * *

Постельна моя жизнь, постельна:
то и дело валюсь в постель.
Хватаю картон и пишу постелью.
Иногда выручает постель.

* * *

Домá, в которых мы жили, ветхи
и обречены на снос.
Такие ж, как они, старые ветки
целуют их, плача до слёз.

* * *

Притихла земля: ни вскрика, ни гóмона.
За рекою в полнеба пылает закат...
Положив друг другу на шеи головы,
две лошади в травах безмолвных стоят.

* * *

В моём доме сегодня весело.
За столом – пусть не в полном составе – друзья.
В головах у них от выпивки – месиво.
Шумят, говорят – о чём трезво нельзя.

* * *

Молиться не забываю.
Перо беру – не пращу.
Где только в мечтах не бываю.
Чего не найти – ищу.

* * *

Маленькая – донельзя.
Недобрую прячет суть.
Глаза её – пара лезвий,
готовые полоснуть.

* * *

Она, уверовав в мессию, –
что там стократ вкусней халва, –
с презрением смотрит на Россию
с Капитолийского холма.

* * *

Между двумя он так метался.
И злился – зверя позверей.
Ещё со старой не расстался,
а новая – ждёт у дверей.

* * *

В зеркало глянуть, как в воду.
Взгляд затуманен и ум.
Чтоб не свалиться, – за воздух
хвататься и жить наобум.

* * *

Появился неожиданно-негаданно гость.
И я попросила забить в стену гвоздь.
Но до того, как прийти ко мне в гости,
он не видел ни разу гвозди.

* * *

Такое возникает невзначай.
Наливаю в чашку крепкий чай.
Протягиваю руку в книжный шкаф.
Начинается с любимой книгой кайф.

* * *

Был парень – что надо.
Налетело торнадо.
Оказался бескрылым.
Не взлетел. Накрыло.

* * *

Вверху небеса – бездонны.
Внизу под ногами шатается твердь.
Одиноко. Холодно. И бездомно, –
хоть в Томск, хоть в Хабаровск, хоть в Тверь.

* * *

Мир вокруг – отнюдь – не радостный.
На Юго-Востоке – взрывные огни.
Набожный ты или не набожный –
попробуй, с глаз, словно сон, сморгни.

* * *

Пришёл в сей мир лавинный –
бери и извини! –
от песни соловьиной
до хрюканья свиньи.

* * *

Куда покатались, котята?
Катитесь, котята, ко мне!
Иначе клыкастый ваш тятя
пройдётся клыком по спине.

* * *

Прихожу в себя понемножку.
 Не шевелясь, тихо-тихо сижу.
 И думаю, как подать ему крошки,
 примостившемуся за окошком, – чижу.

* * *

Я скачаю без вас, магистральцы.
 Я не сплю по ночам, мои плачи тихи!
 Слышно, как хрустят мои пальцы.
 И не вам теперь – звёздам читаю стихи.

* * *

Упасть? Провалиться в пучину?
 Зачем? И какая причина?
 Ушёл? И клянётся другой?
 Захлопните дверь за ним левой ногой.

* * *

Руки – в краске. Нос – в золе. Золушка
 до блеска надраивает очаг.
 А в окошко потоком хлынуло солнышко.
 Улыбнулась солнышку Золушка,
 в солнечных – вся золотая – лучах.

* * *

Долго карабкалась. Перевалила
 через туманный хребет.
 По эту сторону – спуск лавинный.
 По ту сторону – меня уже нет.

* * *

В голове моей зреет замысел.
 И моя в нём – главная роль:
 пребываю в блаженстве. Замужем.
 И что ещё надо? Муж – шведский король.

* * *

Весну, весну встречаю снова.
Опять черёмух пьянит дурман.
И с губ вот-вот сорвётся слово.
За ним не надо лезть в карман.

* * *

И если, оглянувшись, посмотреть:
сама с собою не играла в прятки.
Но сделано всего – пожалуй – треть,
хотя от дел ладони жгло и пятки.

* * *

Спохватиться. Упасть на колени.
Искать под кустами стихотворенье.
Рыться в земле или шарить в траве.
А оно зеленеет всюду в голове.

* * *

Выходит, оскалены, люты
господа. Но мы – не рабы...
Валюта схлестнулась с валютой
врукопашную – доллары, евро, рубли.

* * *

Между прочим, среди ночи
не глаза поднять, а очи.
И увидеть в небесах:
в облачке растаял страх.

* * *

Куда-то рвётся птица.
Куда-то мчится зверь.
А я рвусь из столицы,
лбом вышибая дверь.

* * *

Господи! Боже Праведный!
Как жить ежедневно правильно!
Никакой не поможет устав.
С высот Твоих, Боже, – наставь!

* * *

Нет-нет, не печально, не грустно.
Неведомо, как и понять.
Такое нахлынет чувство,
что рвёшься кого-то обнять.

* * *

Как от спички воспламениться.
Огненным словом упасть на страницы.
Долго-долго потом сидеть.
Приходить в себя и сесть.

* * *

Бродит по мирному долу отара овец.
Чуть поодаль – чабан и с собакой – юнец.
И висит над землёй и отарой овечьей
в дымке марева – дальняя вечность.

* * *

Не орал, не вонзал в душу тысячу жал.
Чемодан – на колёсах – схватил и сбежал.
Вслед готова упасть, расколется на части:
не от горького горя – нежданного счастья.

* * *

Опечалюсь и удивлюсь:
там – во сне иногда улыбаюсь –
я за весь недосып отосплюсь,
никогда уже не просыпаясь.

* * *

Середина апреля. В саду сине-сине:
вовсю расцвели пролески,
пронзая насквозь – что есть силы –
прошлогодние листья с треском.

* * *

На трассе водитель – видать, из гуляк –
подъехал впритирку: «Приветствую, фрау!..»
А фрау сидит в своих «Жигулях»,
обмотанная шарфами.

* * *

В голове продолжают роиться замыслы,
не щадя ни возраста, ни седин.
Пробираюсь сквозь них, как сквозь заросли,
чтоб наружу вытащить, хоть один.

* * *

За жизнь – велика моя плата.
Трудней – один на один, чем в строю.
Последним наитьем объята,
как перст, перед Богом стою.

* * *

В жильё моём запах сирени.
Улыбка моя – до ушей.
И не к чему тут сравненье
с тарелкой дымящихся щей.

* * *

Противиться нет сил. Душа на взрыв похожа:
прозреть, узреть, постичь, маня...
Свидетельницей быть Твоих деяний, Боже...
Дотронуться, вкусить... Прости, Господь, меня!

* * *

Вновь пальцы тянутся к стакану,
в котором, словно в океане,
незримый притаился змей.
Но ты к стакану руки тянешь,
не зная, сколько лет протянешь.
Хватаю за руку: «Не смей!»

* * *

Появилась на свет посреди бытия.
Сидя где-нибудь в чистом поле,
о житье-бытие думу думала я,
о своей женской – думала – доле.

* * *

Тихо промолвлю доченькам:
«Пришёл неизбежный срок...»
Присяду. Приму валидольчику –
на посошок.

* * *

Представьте на время такую картину:
сажу у окна и смотрю на куртину*,
как дождь по ней лупит нещадно – хоть плачь,
хоть зонт выноси ей из дома, хоть плащ.

* * *

Не растекаюсь мыслию по дереву.
Не смотрю ни направо и ни налево.
И не лезу выше себя на верхушку –
прокуковать, отпихнув кукушку.

* Цветочная грядка, клумба (устар.).

* * *

Кузнечик сыплет стрёкот у тропинки:
– Стрекочите всё! – ему-то что:
не надо на меху искать ботинки
и шить не надо ватное пальто.

* * *

Не сочиняются четверостишья.
Они вокруг растут – лишь посмотри.
Они не для разнообразья пищи:
глотай, глотай и рот потом утри.

* * *

Самолёт, грохоча, пронесётся.
Я уши покрепче заткну.
Затмив на мгновение солнце,
он тенью черкнёт по окну.

* * *

Мимо проходя – с продуктами в корзинке –
такого не желаю никому:
коза ко мне рвалась с лужайки – Зинка, –
верёвкой пригвождённая к колу.

* * *

Где рожь колосилась – коттеджи,
как мухоморы – аж жуть...
Коттеджи, коттеджи, коттеджи...
Зачем, если в них не живут?

* * *

Запахло прохладой – пусть слабенько.
Что осень стучится – обман...
Но первые листья – подобно корабликам –
по речке с грустинкой плывут в океан.

* * *

Песенки давно не напеваю.
Не копаю, не стучу и не рулю.
За всеми вслед к столу не успеваю,
и КПД приблизился к нулю.

* * *

Имейте хоть каплю совести!
Рвать в клочья и вновь сшивать.
Сколько же в невесомости
прикажете пребывать?

* * *

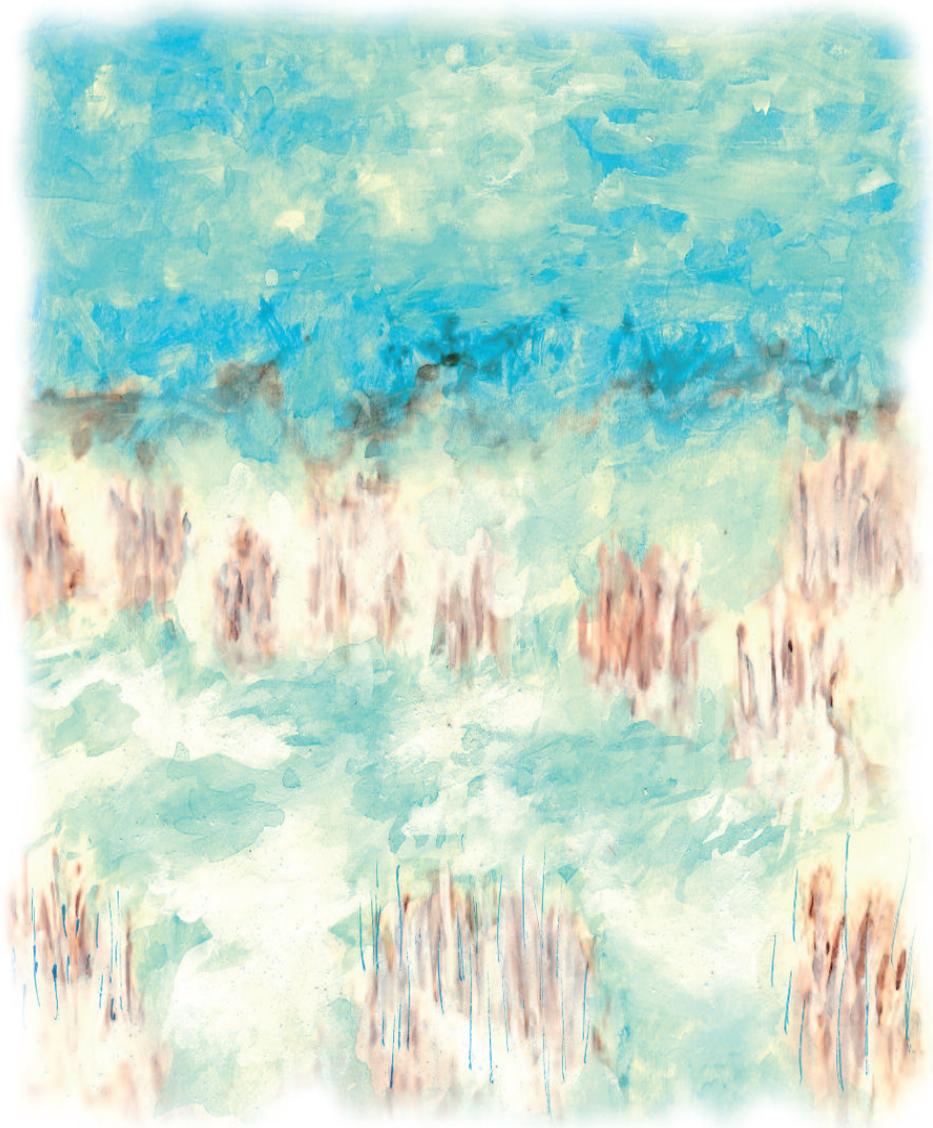
Проснуться, увидеть: вокруг ни зги.
Попробуйте поулыбайтесь!
Спешите, взрывайтесь, включайте мозги,
сквозь эти «ни зги» пробивайтесь!

* * *

Досужим домыслам назло
я говорю, почти что плача:
– Поэзия – не ремесло,
а полная самоотдача.

* * *

Промчалось время, пронеслось – увы! –
мелькнуло, словно в поле тройка...
Осталось шапку сдёрнуть с головы
и выдохнуть: «...Притормози, постой-ка...»

Анастасия

поэма

ВСТУПЛЕНИЕ

С былым – у отчего порога, –
живая ощутимей нить...
Мне юноша подал два рога:
– Вы их просили сохранить.

И я хранил их под поветью.
Промчались годы – как-никак.
Полутора десятилетия
они бодали полумрак... –

И на меня смотрел красавец –
русоголов, плечист, высок,
во всю щеку горел румянец,
густой, словно вишнёвый сок.

Такому стоило родиться,
такому б – на арену в цирк...
Но он, – стремительный, как птица, –
легко вспорхнул на мотоцикл!

– Спешу к стадам! – взгляд брызнул синий.
И вот его дымится след.
Да это ж сын Анастасии
из тех – свинцом прошитых – лет,

когда коптилка тлела скупю,
страх смерти рыскал по селу...
О, Время – величайший скульптор, –
склоняю пред тобой главу.

Ваял нас вместе ты, попарно, –
и статью, и умом в отца, –
выпестывал героем парня
из несмышлёного мальчика.

Но, всеми благами владея,
ты можешь отшвырнуть резец
и пропустить рукой злодея
сквозь раскалённый ствол свинец,

разя огнём свои ж творенья –
хотя и те, и эти – мы...
Наступит ли момент прозренья
безумцев приводить в умы?!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

...На печи их – пятеро –
у Анастасии.
За окном проклятием
вьюги голосили.

За окном ковровую
снег ложится скатертью.
«Что-то там с коровою?» –
думается матери.

Громыхает утварью
и, в тулуп закутана,
разгребает утренний
снег перед закутою.

Ветер машет крыльями,
прилетел из-за моря.
Дверку приоткрыл он, и
Анастасия замерла:

словно пара звёздочек,
взгляд коровий светится,
а в углу телёночек
приютился месяцем,

принимает жёсткую
ласку материнскую,
чей язык над шерсткою
вспыхивает искрою.

Жизнь тут вся, и лучшего
не придумать имени:
чуть тронь сосцы – и лучики
брызнут из-под вымени.

И рядышком с коровою
уже хлопочет Настенька:
«Ах, ты мой скоромненький!
Ах, ты мой лобастенький!..»

Глубокие и строгие
в крови крестьянской навыки...
Дитя четвероногое
приподнимает на руки.

И думает: «Молозево
детишки будут завтракать...»
Но утро вдруг морозное
рассыпалось под залпами.

Напасть – подлее подлого –
врывается уверенно...
Роняет Настя под ноги
телёночка растерянно.

Во двор бежит в смятении.
В сугробе вязнут валенки:
«Неужто привидение
крадётся вдоль завалинки?»

Что делать ему велено?
Снежком идёт нехоженым,
в шинели цвета зелени,
на сатану похожее.

Глаза его звериные
вокруг глядят с опаскою.
Припорошённый инеем,
в платке, прикрытом каскою...»

От страха пригибаясь,
к избе Настасья пятится.
Пришелец, озираясь,
за автоматом прячется.

– Вэк! – взвыл он повелительно.
«А кем уполномочено?» –
и женщина увидела
врага, врага воочию.

«Нет, нет, не будет милости, –
стучит в ней сердце матери, –
спеши, спеши всех вывести:
их у тебя там – пятеро».

Навстречу Настя ахает:
«Сыночки, слазьте! Дочери!..»
За дверью за распахнутой
смертельно пляшет очередь.

Глазами дети зыркают:
а там грохочут выстрелы.
И гусь крылом, как циркулем,
выводит: нет, не выстоять...

Кричит, взывает к совести,
юлой по снегу кружится –
комочек первой горести:
под ним алеет лужица.

ГЛАВА ВТОРАЯ

И пусть сейчас в цветенье лето, –
снега кипят в моём мозгу:
полубосых, полураздетых
соседей выгнали в пургу.

И слышать не хватает мочи
и рёв, и бляенье, и визг...
И, кажется, что разрывают в клочья
врасплох застигнутую жизнь.

Удары в рамы и в ворота,
глухие залпы – за стеной.
И захлебнулся воплем кто-то,
как набежавшею волной.

И стужа кровь морозит в венах,
и детский крик, и ветра свист...
И заметалась Настя в стенах,
приподнятый – как вихрем – лист.

То в печку сунется с ухватом,
то с полки хлеб кладёт в суму...
Тут, хоть имей ума палату,
не совладеть с бедой уму.

И некуда от горя деться,
когда уже горланят:
– Шнель!..
И заслонила мир от детства
с когтистой свастикой шинель.

В шинели той шагнул детина,
брань рассыпая, как горох.
Прикладом тычет детям в спины
и в снег швыряет за порог.

Чужого цвета виснут полы.
Орёт, рычит, как на щенят.
И дети плачут, и от боли
глаза слезятся и щемят...

Гудит февральское ненастье,
и по пятам ползёт беда.
Она людей в клыкастой пасти
несёт неведомо куда.

Снега клубятся по округе,
и ветры колки, как штыки.
С ног валяются, крестясь, старухи,
ступают молча старики.

– Шнель! Шнель! –
свистят в снегах, как плети,
и повисают на штыках.
Грудные вздрагивают дети
у бледных женщин на руках.

И мёрзнут на лету слезинки –
у маленьких и у седых...
И гнётся Настенька осинкой:
не растерять бы пятерых.

И не поймёт: то ли спросонок,
то ль всё случилось наяву:
«Да как же так, – ведь там телёнок,
совсем беспомощный, в хлеву...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Медленно сквозь окошко,
нечёсан, не обогрет,
серой крадётся кошкой
в чужую избу рассвет.

Тихой ступает сапой
вдоль печки и вдоль стены,
и ледяною лапой
дотронулся до спины.

Не дома Настя, не дома
ворочается в углу.
Ржаная шуршит солома
на земляном полу.

И рядом проснулись дети.
Торчат вихорки волос.
Ах, что она им ответит
на вечный, на их вопрос?

Вопрос, что вобрал все беды
и в детских застыл глазах:
«А нынче будем обедать?»
Что матери им сказать?

И чем засветить улыбки?
Как в детях унять тоску?
Сидит. Золотою рыбкой
прилип колосок к виску.

Нахлынувшим думам тесно
и в толчее тяжких дум
почему-то крупицу теста
нащупал упрямый ум.

Нащупал, в неё вцепился
и Настю увёл от зла.
И вот уже та крупица
в облачко проросла.

Зелёный вспомнился месяц,
душный – перед грозой.
А Настя облачко месит,
склонённая над дежой.

И сеет муку сквозь сито,
белую, как снежок.
И тихо. И дети сыты.
И кот возле ног – Пушок.

Кот песню мурлычет около:
«Покой, дескать, сторожу!..»
И Настя белое облако
пихает рукой в дежу.

А дверь распахнулась настезь.
И, словно взрывная волна,
обдал её голос: «Настя!
Настюша, слышишь, – война...

Прощаемся утром рано...» –
стоял он – её Роман –
в проёме дверном, как в раму
втиснутый великан.

Под рубахой вздымалась мощно
крутая мужская грудь.
Он лоб, как от боли, морщил:
– Не надо, не плачь. Как-нибудь... –

Она шагнула несмело,
повторяя зачем-то: «Нет, нет...» –
хватаясь за воздух, осела
медленно на табурет.

В ушах до боли звенело.
Не вздохнуть уже, не прилечь...
Всю ночь ту остервенело
глотала поленья печь.

И жарко дышала пастью,
нет-нет, и обдаст дымком.
Как ядра метала Настя
в огонь горшок за горшком.

По дому носился запах
любимых её приправ.
А в окна грозился запад,
загадочен и кровав.

И на душе было смутно.
Срывалась с ресниц слеза.
И тоненький лучик утра
ту ночь языком слизал.

Когда наступило затишье,
полуночный смолк угар:
– Буди-ка, жена, детишек!
Ведь еду не на базар.

Они, прикрытые ситцем,
сквозь сон к нему, – как цветы:
– Привези, привези гостинцев!.. –
Где, воин, сегодня ты?

Хватает ли зла и силы
под шквалом бежать свинца?
А может, уже скосили,
скосили уже бойца?

И он среди сухой полыни
упал на бегу в сугроб.
И стоит тот сугроб поныне,
как мраморно-белый гроб.

Только Настя тому не верит,
не может поверить тому.
Ей кажется: скрипнут двери
и спросят: «Кто жив в доме?!»

И в мартовской этой рани
появится он – Роман –
в проёме дверном, как в раму
втиснутый великан.

И увидит, что детям нынче
голод не побороть,
что голод накрепко ввинчен
и в мысли детей, и в плоть.

И всё превратилось в нёбыль:
и лес, и синее небо,
долины и облака.
Лишь въяве коврижка хлеба
им светит издалека.

Лучей её трепетанье
терзают их и пьянят, –
сквозь чёрное расстоянье –
живой её аромат.

Румяна, в хрустящей корке,
округла, как солнца диск,
она за войной, на полке
лежит и зовёт на риск...

Тут младшенький вздумал плакать,
всё видя коврижку ту.
Ему б духмяную мякоть
зубами размять во рту.

Размять – окроплённую сольцей...
Но, чтобы такое сметь,
за это ржаное солнце
встают и идут на смерть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

По небу шарит щупальцами свастика,
опутав солнце, словно осьминог.
Но жизнь берёт своё. И Настенька
под небом этим ищет свой порог.

Она идёт. Словно щенок на привязи,
за ней полозья саночек скользят.
Бьёт в ноздри воздух с дымной примесью,
и ветры ей свистят: «Назад! Назад!..»

Остановись, если с ума не спятила!»
Но в голове – наперекор всему – гудит:
«Покуда смеешь называться матерью,
покуда ноги есть, – иди, иди!..»

И мать идёт. Она здесь – неприблудная.
Но пуль полёт – не перелёт синиц.
Гремят совсем недалеко орудия.
И кто-то падает на землю ниц.

А март уже прогрыз в снегах проталины.
И ждут ручьи лучистых, тёплых дней...
Но Настя видит чёрные развалины –
сожжённая деревня перед ней.

Давно ли избы были белолицыми
и улыбались солнцу по утрам.
Вольно теперь здесь, словно рыцарям,
носиться по пожарищам ветрам.

Вдоль улицы зола, зола барханами.
Там стул – в снегу, там сломаны столы.
И рядом, как сугробы, – бездыханные –
лежат, хвосты откинув в сторону, волю.

Им не приснятся больше в поле бороны
и с травами цветущими луга.
Тут пир всюду идёт, и вороны
натачивают клювы о рога.

Их чёрные видны повсюду мантии.
Их взгляды омерзительны и злы...
И что осталось делать матери
на пиршестве средь пепла и золы?

Она сама насквозь продымлена.
Стоит, в бессилье руки уронив.
Опять пригрезилось жильё родимое,
до горизонта – колыханье нив...

Теперь здесь жизнь изгрызана, изедена,
и легче смерть найти, чем кров и хлеб.
Обходит Настя головешки медленно
на месте, где стояли: дом, сарай и хлев.

А лес вдали прошит пальбой и грохотом.
Подумала: не взяли б на прицел!
И времени – в обрез. И не поможешь вздохами.
Поторопилась к погребу – авось, он цел.

Авось, под бугорком заброшенным
надеется что-либо нагрести –
хотя б с десятков отыскать картофелин
и к ужину детишкам привезти...

ГЛАВА ПЯТАЯ

И перед упрёком, и перед заслугою
невинная, усталость поборов,
Анастасия слышит над округою
коровий – и такой знакомый – рёв.

Зовущий знак, зовущее мычание,
переходящее почти что в плач...
Как, Настя, не понять твоё молчание?!
Ты слёзы от самой себя не прячь!

Ты чувством несказанным переполнена.
Весь мир в мгновенье это позабыт.
Наперез Рыжуха мчится молнией,
фонтаны снега бьют из-под копыт.

Небес разбуженных рога касаются.
И пар клубится белый из ноздрей.
Летит четвероногая красавица
стремительного стрепета быстрой.

По грани жизни и самой фантастики
летит – под нею ветру горячо.
Остановилась. Лижет руки Настеньке
и голову кладёт ей на плечо.

И тычется в лицо вспотевшей мордюю.
Дымится мокрая над крупом шерсть.
В ней что-то есть необъяснимо гордое,
непокорённость неосознанная есть.

О пережитом так поведать хочется.
Мычит. В груди клокочет стон и крик.
Нет-нет, не надо Насте переводчицы.
Рыжуха, твой понятен ей язык.

Когда в деревню, ужасом объятую,
полз вечер, и в потёмках пряча гнев,
к тебе явились двое с автоматами –
в твой, густо пахнувший навозом, хлев.

Зима кружилась каруселью плоскою.
Февральская метельно билась стынть.
За чужеземной ты сама пошла повозкою,
белоголовый на повозке трясся сын.

Готова ты была в неодолимой ярости
поднять, как стог, повозку на рога –
только бы сын в неудержимой шалости,
хвост разметав, умчался на луга.

Но ты увидела: хрипя и хлюпая,
он бился на снегу, как лето златокож,
когда вонзился с хрустом в тело хрупкое
по рукоять – до крови жадный – нож.

В чужой тебя загнали хлев с ночёвкойю.
Бросало тело то в озноб, то в жар.
Срывался дым с трубы и пах печёнкою.
А у двери клубился винный пар.

Всю ночь метели по-собачьи тьявкали.
Заря кроваво проплыла в глазах.
И появился он. К сосцам пиявками
припали пальцы в рыжих волосах.

Заговорило молоко с ведёркою, –
так косами звенят в лугах косцы.
Тебе казалось: из тебя выдёргивают
все жилы сквозь набухшие сосцы.

Не выдержав, лягнула ты копытами.
И захлебнулся молоком злодей.
А ты в поля умчалась – вся избитая –
и о хозяйке думала своей...

И Настя осмотрелась – осторожная –
и от Рыжухи, словно отреклась.
Шагнула в сторону и в саночки порожние,
утёршись рукавицею, впряглась.

Идёт. Везёт. Что мать не вывезет
у горя на невидимых вожжах.
Идёт. Везёт. А следом, как на привязи,
не отстаёт Рыжуха ни на шаг.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пугала улица чужими касками.
Железно отзывались каблуки.
Но вешний день – лучом обласканный,
нет-нет, и улыбался сквозь штыки.

И жизнь над бедами, над шрамами
вставала – зримей и сильней.
Луга зашевелились травами.
И лес ожил. И взгляду – даль видней.

На озеро опять вернулись кулики,
как ломики, носы вонзая в ил.
И ласточки – с соломинками в клювиках –
к гнезду носились, не жалея сил.

И странно, что разрывы ухали.
В саду любая отзывалась ветвь.
И страшно Насте – быть с Рыжухой,
подойником боялась зазвенеть.

И всё ж поправила невольню кофточку,
подумала: «Не я себе – судья...»
Возле кормилицы присев на корточки,
подобрала одежду под себя.

К сосцам притронулась – и над подойником
две струйки брызнули сквозь пальцы вниз,
запели нежно, тонко-тоненько.
Глаза у Насти радостью зажглись.

И выползли детишки на завалинку –
босые, полусонные сидят.
Того Алёшею зовут, ту кличут Валенькой...
Их пятеро: что подадут – съедят.

Нахохлившись воробушками серыми, –
счастливой обойдённые судьбой –
держали в ручках баночки консервные,
их молча вытянув перед собой.

Привстала Настя. Распрямилась. Бережно,
неторопливо через двор пошла, –
как будто бы с неведомого бережка,
в подойнике спасение несла.

Завалинка отозвалась улыбками.
Но всколыхнул детей недалёкий гул:
при автомате, прогремев калиткою,
«детина» с улицы во двор шагнул.

Слегка пошатывался и посвистывал –
(какого ожидать теперь добра?) –
и поползла рука его когтистая,
чтобы хлебать мог прямо из ведра.

Глядел на женщину даже спокойненько,
не говорил и зверем не зверел...
И взгляды детские схлестнулись
над подойником,
от горя и от страха замерев.

На Петю посмотрела мать, на Катеньку –
не по себе ей стало, как в грозу...
«Ни капельки, ни капельки, ни капельки» –
носилась мысль в отчаянном мозгу.

И не отделаться от думы жгучей матери.
А «он» за нею каждый миг следил.
«С подойником – подальше от карателя.
Ни капельки, ни капельки...» –
ей гнев твердил.

Вся жизнь одним мгновеньем взвешена:
и молочко в протянутые банки льёт...
А сзади автомат пролаял бешено.
И спину боль прошила напролёт.

В руках уже – ни гибкости, ни скорости.
Кружилась и звенела голова...

Словно в лесу родном на просеку,
упала Настя срубленную сосенкой,
к ногам едва проросшей поросли,
сказать последние им не успев слова.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Болью тихою раны давней
плач сочится из дали дальней.
Бьётся в стены он, бьётся в ставни,
даже дрожь пробирает камни:
– Молока мне!
– Молока мне!..

А по тропам, где радуг арки,
его в вёдрах несут доярки.
Сквозь лучи, сквозь настой медовый
его цедит июль в бидоны.
Оно – пенистое – в цистернах,
что проносятся, словно серны, –

только мимо, всё мимо, мимо...
А плач детский всё зримей, зримей.
Жизни полный он и печали
встанет девочкой за плечами,
щёк коснётся моих щеками:
– Молока мне!
– Молока мне!..

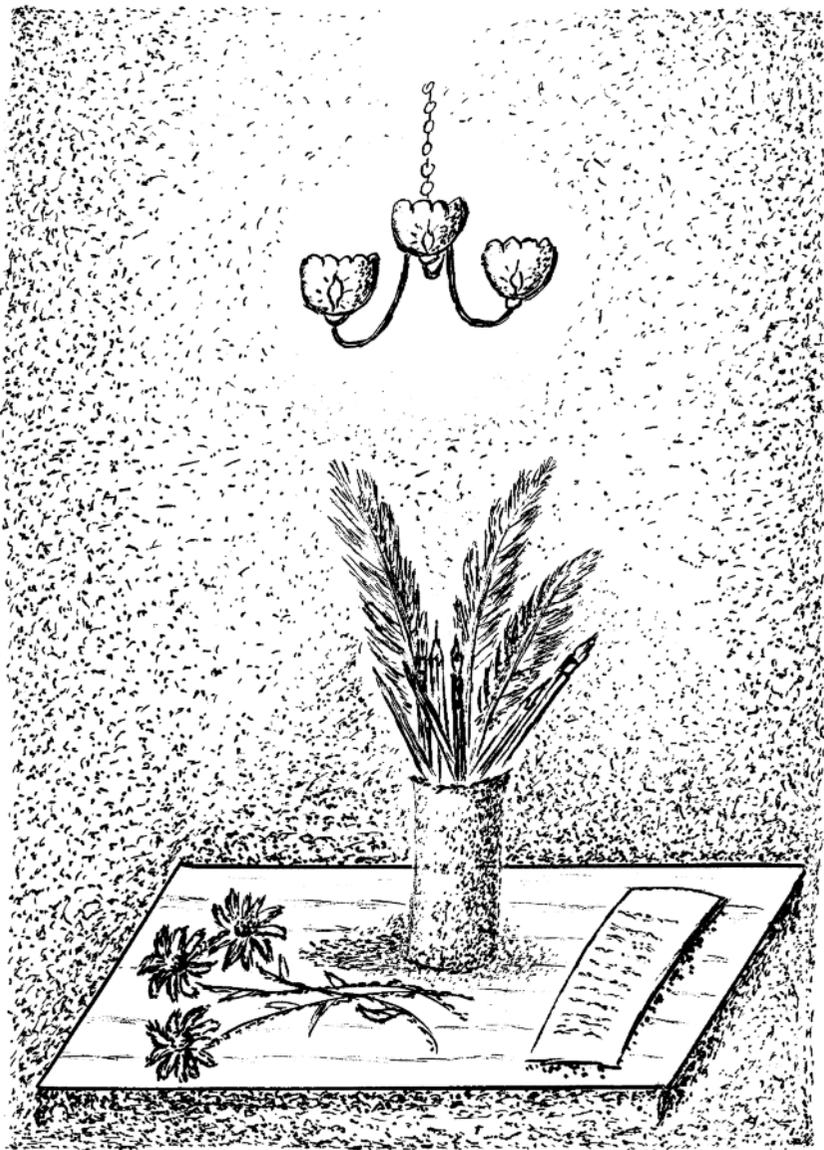
И глубинную боль разбудит.
Вы прислушайтесь к плачу, люди!
Он оттуда, где рёв орудий.
Он оттуда, где след коровий
человеческой залит кровью.
Там с протянутыми руками
дети плачут перед веками:
– Молока мне!
– Молока мне!..

1970–2013

Венок

сонетов

1

Мои полночные мечтанья – ты.
Я нашей тайны прежней не нарушу.
Прочь робость. Поздние цветы
огнём последним обжигают душу.

Ни сил, ни времени в запасе нет.
А глаз твоих неистребима жажда.
Не заменить ромашкою сонет –
она прекрасна, но умрёт однажды.

И я решилась. Подоспел мой срок
сплести неувядаемый венок,
пока горит и радуется сердце,
повелевает и дарует речь,
чтоб помыслы мои в строку облечь...
Мне не на кого больше опереться.

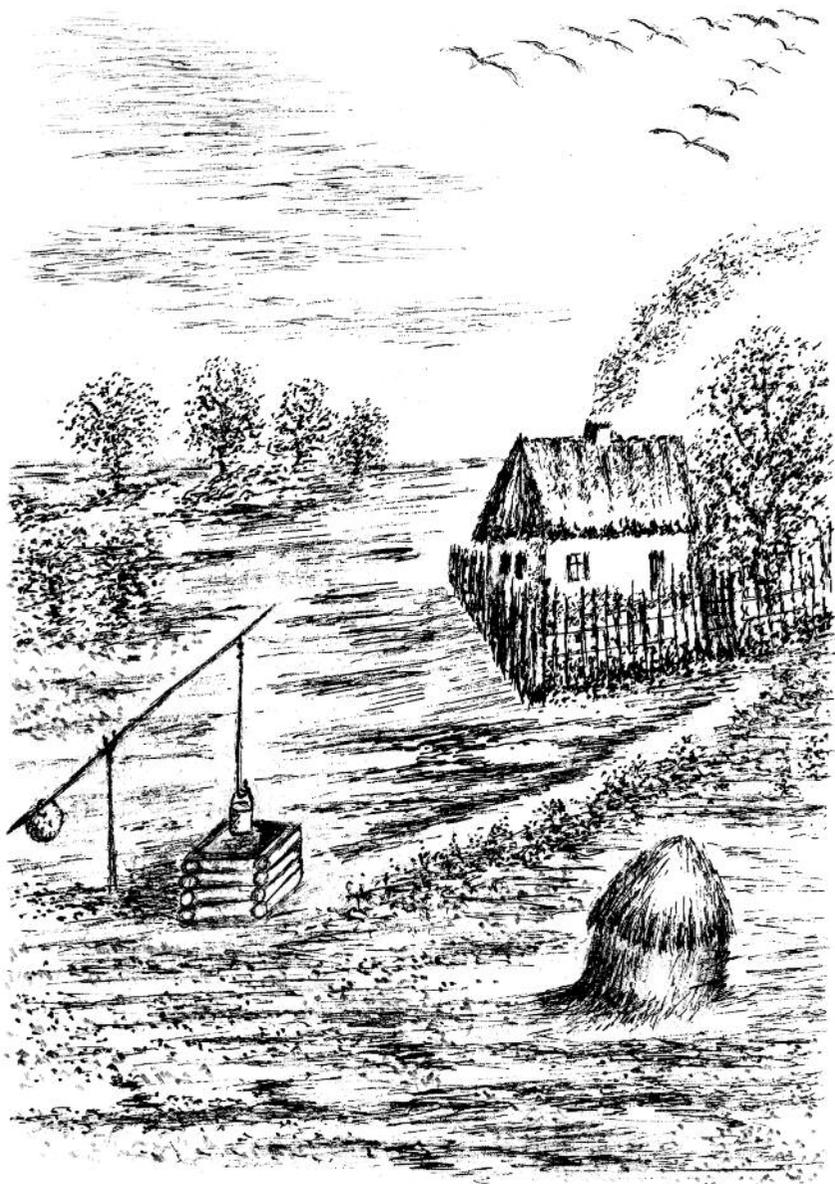
2

Мне не на кого больше опереться.
Нет в мире середины золотой.
Приснится разве что мне детство,
когда держала мама за ладонь.

И жизнь такую представлялась прочной,
что не поколебать её вовек.
Летал над храмом ангел непорочный.
И возвращался к храму человек.

Давно тот храм по кирпичам разобран.
Давно тот ангел вороньём разодран.
И мама не придёт из темноты.

Над нею – холмик низенький с надгробьем.
На холмике – зерно птенцам голодным.
И свет лампадок звёздных с высоты.

3

И свет лампадок звёздных с высоты
ночами тихо льётся на могилы.
О, сколько их вдали от суеты
в болотах топких спрятано под илом!

Обвал фугаса, адский смерч свинца
скосил солдат безжалостно, жестоко.
До дома не дошли. Но их сердца
стучат дождём иль ветром в стёкла.

Им только б дотянуться и узнать,
жива ли в доме старенькая мать,
жив ли очаг, чтоб у него согреться.

Услышать, что повержен бог войны
и мирного спокойствия страны
не возмутить молитвой иноверца.

4

Не возмутить молитвой иноверца
моей молитвы – Бог един.

И под Его всевидящим навесом
влюбляемся, работаем, едим.

Какой бы ни казалась жизнь суровой,
в кругу друзей, соседей и в семье
оценят по делам мирским... Но Слово
превыше всех деяний на земле.

И если он – избранник, он – у власти,
вокруг и в голове бушуют страсти,
сто раз примерить должен, чтоб сказать

не дьяволу во благо, а народу.

Словами поиграл – не изменить погоду.

Не те слова – и рать идёт на рать.

5

Не те слова – и рать идёт на рать.
Не те слова – и от страны обломки...
Уже мне иноверку не обнять.
Глаза её – словно ночные волки,

что бродят по развалинам села.
И ей теперь не до первопричины.
На месте том, где яблоня цвела,
лежат, враждой убитые, мужчины.

И множится ежеминутно боль.
Самим себе на раны сыплет соль.
Самим и выбираться на дорогу,

чтоб не закат увидеть, а восход,
идти друг к другу – не наоборот.
Не время ль улыбаться понемногу?

6

Не время ль улыбаться понемногу
подснежнику, газели, воробью.
Тебе, тоску отринув и тревогу.
Тебе, с кем, без вина хмельная, пью

ночной дурман любовного напитка
во сне бредовом, но не наяву...
О Господи, какая ж это пытка –
глаза не видеть, в коих я живу.

О Господи, какое ж это благо,
когда бушуют страсти, будто брага,
что и сосуд способна разорвать...

Но мне дано вскипающие чувства
и письменно, и мысленно, и устно
в строках, с небес сошедших, повторять.

7

В строках, с небес сошедших, повторять
люблю одну и ту же неизбежность –
в сыром овражке ивовая прядь,
твоей подобно, излучает нежность.

Естественная связь. Где явь, где миражи?
Одно в другом живёт под небесами.
Синь васильков, разлитая во ржи,
твоими брызжет на меня глазами.

Тому и радуюсь, тем и лечусь,
что образ твой хранит повсюду Русь –
иду ли по холмам иль солнечному лугу...

Терновник раздвигая или тьму,
твоё дыханье чувствуя, пойму:
мой путь всего надёжнее – к порогу.

8

Мой путь всего надёжнее – к порогу,
где крыша, где предел скитаньям всем.
Войду, воздам благодаренье Богу,
испью воды и ломтик хлеба съем.

И обретут все вымыслы оседлость
в картинах милых, в горестных стихах.
Самой себе скажу: «Присядем, светлость!
Судьбу не сотворяют впопыхах».

Она в любом присутствует поступке,
сто раз с тобой аукнется за сутки,
поманит, приласкает и предаст...

А жизнь бурлит. Вокруг хлопочут люди.
Но рай тебе не поднесут на блюде.
Забот твоих никто не тронет пласт.

9

Забот твоих никто не тронет пласт.
И всё-таки, когда придётся туго, –
такого не придумает фантаст –
сам Бог пошлёт на помощь друга.

Он явится, как с неба херувим,
от дум, что стали ежедневной пыткой,
избавит появлением своим
и тьму раздвинет солнечной улыбкой.

Придут в движенье молотки и свёрла.
Глядишь – и песня вырвется из горла,
когда пойдёт на убыль дел балласт.

И даже небо, ставшее с овчинку,
покажется, возможно взять в починку –
с друзьями кто на подвиг не горазд?

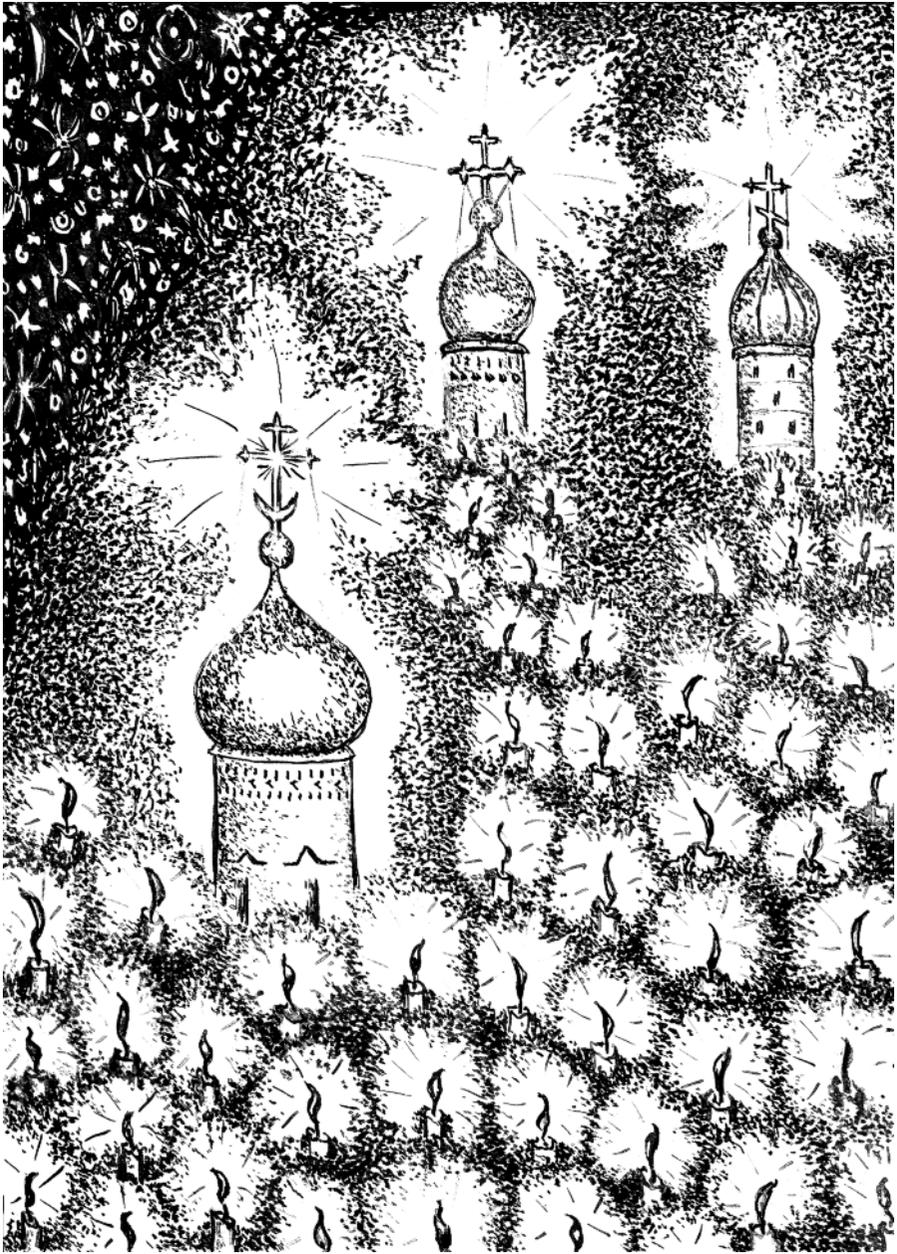
10

С друзьями кто на подвиг не горазд?
«Куда там!..» – скажет обнищавший житель.
Слишком остры клыки у каст.
И всех клыкастей главный разрушитель.

Тяжёл руки его коварный взмах.
Всё та же жажда власти и почёта.
Мелькают мальчики кровавые в глазах
который год. И нет им счёта.

Невосполнимый нации урон.
Невыносимая цена за трон.
О Господи, за что такая кара?

Иль слишком оторвались от земли
и крылья восковые обрели,
забыв о горьком опыте Икара?

11

Забыв о горьком опыте Икара,
и я за всеми вслед неслась
и дым сожжённых переправ алкала
со всеми вместе. Наалкалась всласть.

Осталась скорбь. Покрылся серой пылью
взрастивший и предавший нас режим.
На свечи переплавленные крылья
горят в ночи. Мы вниз лицом лежим,

припав к земле. Она простит, накормит.
Но некогда оборванные корни
не оживут и не родят плоды.

Осталось уповать на то, что внуки
и наши озарения, и муки
не станут распинать на все лады.

12

Не станут распинать на все лады,
как распинают и линчуют ныне.
Средь дней и лет суровой череды
молюсь за чистоту российской сини.

Она одна пока не за рубли.
И мне на синь небес глядеть отрадно.
Когда ж друзья мои, как журавли,
вдаль улетают, их зову обратно

к родным местам, к порогу милых гнёзд,
которым не до солнца, не до звёзд
без тёплого дыханья домочадцев.

Я знаю, нелегко им возвращаться
и погружаться заново в труды,
пока молчат пророки и суды.

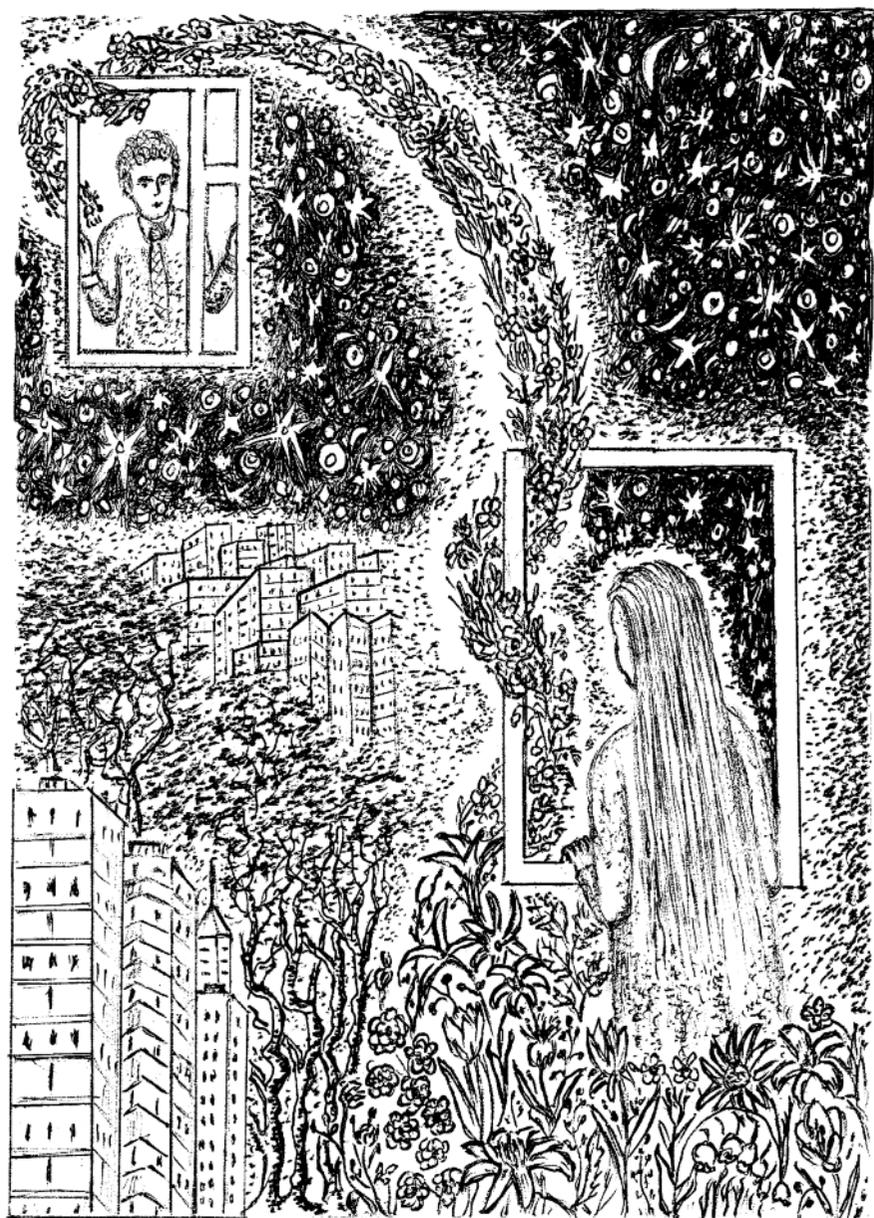
13

Пока молчат пророки и суды,
без масок лжеоракулы на сцене.
Их в душах наших чёрные следы
когда-нибудь по всем статьям оценят.

Поставят свечи нам за упокой...
Но в жилах кровь покуда не остыла,
я не хочу, чтоб тихий голос мой
был гласом вопиющего в пустыне.

Не пустота – он и не бренный тлен:
преодолела я молчанья плен,
не выдержав терпения накала.

И распрямилась. Мне земля видней.
На нищенской, кладбищенской – на ней
я выход свой из тупика искала.

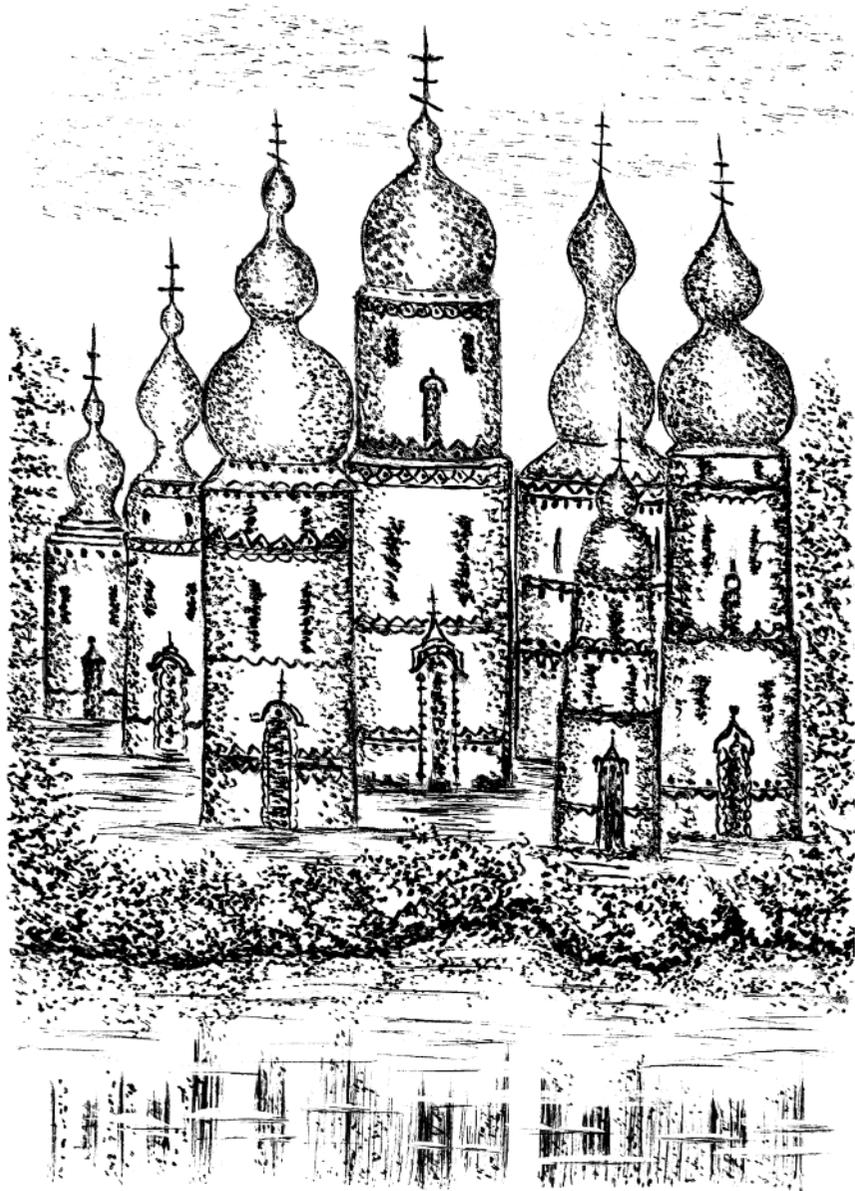
14

Я выход свой из тупика искала.
Рук не щадила, не жалела ног.
Из нежных губ, из волчьего оскала
цветы творила и плела венки.

Он груб, горяч. Он только что из тигля.
Я всё ещё изяществу учусь.
И твоего вниманья не достигла
сплетеньем мыслей, образов и чувств.

Но трезвыми стараньями моими
и твоего признания во имя
исчерчены все белые листы.

Так и живу. Словами не играю.
И, как вначале, снова повторяю:
мои полночные мечтанья – ты.

15

Кольцевой

Мои полночные мечтанья – ты.
Мне не на кого больше опереться.
И свет лампадок звёздных с высоты
не возмутить молитвой иноверца.

Не те слова – и рать идёт на рать.
Не время ль улыбаться понемногу.
В строках, с небес сошедших, повторять:
мой путь всего надёжнее – к порогу.

Забот твоих никто не тронет пласт.
С друзьями кто на подвиг не горазд,
забыв о горьком опыте Икара?

Не станут распинать на все лады,
пока молчат пророки и суды –
я выход свой из тупика искала.

1996

СОДЕРЖАНИЕ

Есть миг согласия с собой

«Друг друга с полуслова понимая...»	5
«Такси по улице скользило...»	6
«Чего захотела – и смех, и умора...»	7
«Извилины маньчжурского ореха...»	8
Прогулка в феврале	10
Мартовский монолог	12
«Не ищите во мне, чего от роду нет...»	15
«Побывать в домашней обстановке...»	16
«Не поменять местами завтра и вчера...»	18
Другу.....	19
«Взять лодку и надёжное весло...»	20
«– О Господи, какое зарево...»	21
Триптих	22
1. «Биение живое и неожиданное...»	22
2. «Откуда столько воли?!» – думала...»	23
3. «Когда полдневной звёздочкою маленькой...»	24
«Какая мной отмерена верста...»	26
Юрий Долгорукий	28
Человек	30
Волшебник	31
Из переписки	33
«Зачем-то лица друзей рисовала...»	34
«И своенравный, и жестокий...»	35
Шестьдесят девятый День Победы	36
«В Беляево, к Надеиной, к Елене...»	37
В пути	38
«Несусь в такси извилистой шоссежкой...»	40
«Опять шумлю, как ствол листвой, словами...»	41
Подмосковная фантазия	43
«Как солнечно было, надёжно...»	45
«Какая ещё там невидаль...»	46
«В фуфайке она, в сереньком платочке...»	47
«Какие розы! Ах, какие розы...»	48
Из детства	49
«Светло, таинственно и молодо...»	50
«За полночь. Город мой засыпал...»	53
«Окончены дела. Стемнело незаметно...»	54
«О, бессонниц крутая рать...»	55

«Ни отделаться, ни отстраниться...»	56
Ночные стихи	57
Зитка.....	58
«Я ли ввысь не рвалась...»	59
«Не плачьте, близкие! Молчите, циники...»	60
«Сидеть и ничего не ждать...»	61
Покупка дома	62
«Раздолий неоглядных отпрыск...»	64
Дачная окрошка	67
Жаркое лето 2002 года	68
«О жизни спорим сгоряча...»	69
Деревце	70
Сеятель	72
«Друзья, настигнутые внуками...»	73
1. «Неожиданно вышло и непонятно...»	74
2. «Такие выпали дела...»	74
«Пусть это будет вымыслом моим...»	76
«Богатства лёгкого синдром...»	77
«Я знаю, есть он – естества закон...»	78
«Мы шли вдвоём и спорили о лирике...»	80
«Течёт предо мною малышка-река...».....	81
«Вечерних сумерек лиловый фон...»	82
Перед выбором	83
«Вчера была Тверская голая...»	84
«Георгины в саду полыхают, космеи...»	85
«Неужели и впрямь из Иванов непомнящих...»	86
В сиреневом плену	87
1. «Застала. Выпала удача...»	87
2. «Припоминая голоса напутствий...»	87
Материнство	89
1. «Что кануло, то походя не тронь...»	89
2. «Отрезаны, позаросли назад пути...»	90
3. «Так над землёю высоко взлететь...».....	91

Город, город, не карай...

«Город, город, не карай...»	95
«Под низенькой соломенной крышей...»	97
Безмолвие	98
Предки.....	100
Искра.....	101

Воспоминания о Крыме	102
1. Первая встреча.....	102
2. Ай-Петри	103
3. Голос из Ялты	105
4. «По колено в снегу по Москве бродит март...»	106
5. Приморский парк	106
6. «Противники литературных распрей...»	108
7. Шахтёр	108
8. «...И что бы ни глаголили уста...»	111
«Знаю, вновь это замаячит...»	112
«Врасплох застигнута, жалеть не буду...»	113
«Учитель наш...»	114
«Должно же быть признание в любви...»	115
«...И обрастают крылья перьями...»	116
Лида	117
Пляска	118
Уходит снег	119
«И впереди не жду спокойных дней...»	120
«Там, где ветер играет с листвою опавшей...»	121
«...А надо мной владычит север...»	122
«Елена! Радость! Только штрих...»	123
«Туман, туман... Не спятить бы с ума...»	125
Костёр	126
Утраченное великолепие.....	128
У моря Балтийского	130
«Мне казалось, что тебя я знала...»	132
«Опустите занавеску...»	133
Предчувствие любви	134
«На Руси, на Руси...»	135
«Не торопись, пожалуйста, постой...»	137
«Было. Есть. Будет так. Снег за окнами матов...»	138
«Однажды глянуть так в глаза...»	140
«Мобильники зовут, свистят, галдят...»	141
«Вот и к синим глазам не припасть, не напиться...»	143
«Как ладно выстроен был наш с тобою мост...»	144
«Себя спрошу: «За что люблю?»...»	145
«Остепениться, охладеть, остыть...»	146
«Кого-то не заманить калачом...»	147
«...А думы о тебе всё горячее...»	149
«Редко, очень редко...»	151
«Преодолеть. Себя не выдать...»	152

«В простом быту моём столичном...»	154
«Когда вдали зардеет утро...»	155
Дождь	157
«Не веришь, что, безумствуя, люблю...»	158
«Ты перед зеркалом – как повелось...»	159
«Вы были, вы были, герои мои...»	160
Трубка	161
Остров песен	163

Созрели яблоки в саду

Четверостишия	167
---------------------	-----

Анастасия (поэма)

Вступление	197
Глава первая	198
Глава вторая	201
Глава третья	203
Глава четвертая	208
Глава пятая.....	210
Глава шестая.....	212
Послесловие	215

Венок сонетов

1. «Мои полночные мечтанья – ты...»	219
2. «Мне не на кого больше опереться...»	221
3. «И свет лампадок звёздных с высоты...»	223
4. «Не возмутить молитвой иноверца...»	225
5. «Не те слова – и рать идёт на рать...»	227
6. «Не время ль улыбаться понемногу...»	229
7. «В строках, с небес сошедших, повторять...»	231
8. «Мой путь всего надёжнее – к порогу...»	233
9. «Забот твоих никто не тронет пласт...»	235
10. «С друзьями кто на подвиг не горазд...»	237
11. «Забыв о горьком опыте Икара...»	239
12. «Не станут распинать на все лады...»	241
13. «Пока молчат пророки и суды...»	243
14. «Я выход свой из тупика искала...»	245
15. Кольцевой. «Мои полночные мечтанья – ты...»	247

Саницкая Нина Ивановна

КРОНЫ И КОРНИ

*стихотворения
четверостишия
поэма
венки сонетов*

Корректор *А. Панюгина*

Подписано в печать 09.02.2017 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура School.
Тираж 150 экз. Заказ № 1019.

Отпечатано в ООО Издательство «Граница».
123007 г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.
Тел. (495) 941-26-66, факс (495) 941-36-46.
E-mail: granica_publish@mail.ru